

A woman in a black and gold dress with a large black floral headpiece is looking into a large, ornate silver mirror. The background is a purple, misty forest with a path leading into the distance. The overall mood is mysterious and dramatic.

# С М

арина  
ЕРОВА

ВЗРЫВНОЕ  
ЛЕТО

•

СЮИТА  
ДЛЯ УБИЙЦЫ



**Марина Сергеевна Серова**  
**Взрывное лето. Сюита**  
**для убийцы (сборник)**  
Серия «Частный детектив  
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8728372](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8728372)*

*Взрывное лето ; Сюита для убийцы : повести / Марина Серова: Эксмо;*

*Москва; 2014*

*ISBN 978-5-699-73002-5*

## **Аннотация**

*«Взрывное лето»*

На глазах частного детектива Татьяны Ивановой автоматной очередью ранен ее друг капитан милиции Андрей Мельников. Что это – случайность или месть? А может, таким образом бандиты пытаются замести следы – недавно при взрыве автомобиля погиб коммерческий директор весьма подозрительной фирмы, деятельностью которой заинтересовалась милиция. Татьяна немедленно включается в расследование и идет за преступниками буквально по пятам. На этом тернистом пути ее не способны остановить даже новые взрывы и покушения...

## *«Сюита для убийцы»*

Весьма творческая атмосфера царит в коллективе камерного оркестра областной филармонии, где все музыканты – гении, соперничающие между собой. Так кто же из них и за что убил дирижера, ударив по голове хрустальной пепельницей? И при чем здесь изумруды с далекого уральского прииска? Милиция в полной растерянности. Только частному детективу Татьяне Ивановой не помешают ни отсутствие мотива, ни телефонные угрозы, ни чувство постоянной опасности, а раскрыть тайну преступления ей поможет ее величество Музыка!..

# Содержание

Взрывное лето	6
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	61
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

**Марина Серова**  
**Взрывное лето. Сюита**  
**для убийцы (сборник)**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

\* \* \*

# Взрывное лето

## Глава 1

Я остановилась на маленьком черном платье. Давным-давно, еще в студенческие годы, мне попала в руки бульварная газетка, в которой было напечатано интервью со знаменитой моделью, кажется, это была Линда Евангелиста. Так вот, кроме разговоров об уходе за кожей и о том, сколько часов сна надо девушке, чтобы хорошо выглядеть, эта супер-модель заметила: «У каждой женщины в гардеробе должно быть маленькое черное платье». Не могу сказать, что я тогда свято верила печатному слову, но эта мысль произвела на меня впечатление. Я немедленно позаботилась о покупке столь необходимой для стильной женщины вещи, и с тех пор, невзирая на капризы моды, очередное маленькое черное платье неизменно занимало почетное место в моем шкафу.

Итак, с платьем решено. Я покрутилась перед зеркалом и похвалила себя. Два месяца назад пришлось добавить полчаса к ежедневному комплексу упражнений, и результат налицо: жирок, который начал было накапливаться в области талии, исчез, выглядела я практически идеально! На занятия общефизической подготовкой уходит довольно много времени, но для частного детектива – это суровая необходи-

мость. Так что фигурка у меня сейчас, пожалуй, не хуже, чем у принцессы Дианы.

С туфлями проблем нет – замшевые черные шпильки всегда наготове. Теперь украшения. Пожалуй, золото. Тонкая цепочка, серьги-звездочки и перстенок. Все очень изящное, не слишком дорогое, не для демонстрации богатства, а просто чтобы отметить, что ничто человеческое мне не чуждо. Контрольная проверка перед зеркалом – да, очень неплохо. Простенько и мило.

Теперь самое сложное – лицо. Я села и раскрыла косметический набор. Задумалась. В качестве кого он меня приглашает и что мне нарисовать? Мельников, когда позвонил, ничего толком не объяснил. Он вообще как-то очень невнятно со мной разговаривал, явно на бегу: «Танька, ты свободна сегодня вечером? Мне надо в казино, кое на кого посмотреть, позарез нужна дамочка для создания антуража, а наши все в разгоне. Выручай!»

Ясное дело, выручу. У меня, конечно, своих дел хватает, но Мельникову, когда он о чем-то просит, я отказать не могу. А уж в казино я с ним пойду с превеликим удовольствием. Тем более что вечера у меня в последнее время свободны.

Андрей велел приезжать к семи, сказал, что встретит у входа, и бросил трубку. Он, видите ли, торопится, а я теперь сиди, ломай голову, какую боевую раскраску выбрать, кого я там, рядом с ним, изображать должна!

С другой стороны, если бы ему нужно было нечто осо-

бенное, бросающееся в глаза, он бы предупредил. Раз он собирается за кем-то следить, значит, и мне надо не слишком светиться. Дамочка при серьезном мужчине, класс «экстра», среди посетителей казино не выделяется, но и не затеряется в толпе – вот мое лицо на сегодня. Приняв решение, я принялась за дело. Тональный крем, тени, немного туши на реснички, чуть-чуть подправить линию бровей, губки капризные карандашиком подчеркнуть, блеск, румяна – очень серьезная работа, между прочим. Серьезная, но привычная, так что без пятнадцати семь я была готова. Уже в туфлях, с сумочкой в руках еще раз придирчиво осмотрела себя в большом зеркале. По-моему, безупречно, Мельников должен быть доволен.

Машина у меня, по роду деятельности, всегда под рукой, так что осталось только спуститься во двор. Устроилась я на сиденье своих «Жигулей» аккуратненько, платье хотя и немнущееся, но лучше его расправить, сбросила туфли, ноги на педали, и вырулила на улицу.

Впереди показалось здание казино. Я взглянула на часы, без минуты семь. Терпеть не могу непунктуальности, и то, что сама я практически никогда не опаздываю, – предмет мой гордости.

Двухметрового Мельникова, маячившего на тротуаре, я заметила еще раньше, чем вывеску казино. Он вырядился в строгий темно-серый костюм и выглядел... Я только вздохнула, до чего же все-таки хорош, собака! Андрей тоже заме-

тил меня и помахал рукой. Я кивнула ему и притормозила, собираясь завернуть на стояночку «для гостей нашего казино».

Неожиданно синий «Москвич», мирно ехавший за мной и тоже вроде бы собиравшийся на стоянку, рванул вперед, едва не задев мою машину, обошел меня, и... из окна в сторону казино – я не поверила своим глазам – высунулось дуло автомата. Ну, верить или не верить своим глазам – это личное дело каждого, а вот автоматную очередь тот, кто хоть раз ее слышал, ни с чем не спутает.

Все, что происходило дальше, я запомнила какими-то отдельными, не связанными друг с другом фрагментами. Падает Мельников... Но не так, как в кино, медленно опускаясь, а резко, словно его швырнуло на асфальт сильным ударом. Я еще в машине... А в следующий момент – уже около него на коленях... Вокруг люди – много, стоят, смотрят, лица у всех обалдевшие... Кажется, я заорала: «Скорую!»» Два здоровенных мужика, на вид – вылитые гоблины, одновременно, не сводя глаз с Андрея, вытащили сотовые...

Андрей лежал без сознания, грудь залита кровью. У него две раны: из одной кровь просто льется, а там, где вторая, пенится при каждом вдохе. Легкое пробито? Господи, как давно были эти дурацкие занятия по санподготовке! Я метнулась обратно в машину за аптечкой.

...Снова на коленях, пытаюсь сделать перевязку, но у меня не хватает ни сил, ни рук. Не глядя, дергаю за штанину

ближайшего ко мне человека: «Помоги!» Он приседает рядом со мной, совсем пацан еще, в глазах ужас, губы дрожат. Приподнимает Мельникова, я задираю пиджак и начинаю торопливо обматывать Андрея. К пенящейся ране приложила воздухонепроницаемую упаковку от стерильного бинта, теперь – потуже, потуже, чтобы кровь остановилась...

Андрей начинает сползать, у пацана не хватает силенок удержать его, тут на помощь приходит еще один мужчина, плотный, седой, уверенные движения. Я заканчиваю перевязку и оборачиваюсь к гоблинам:

– «Скорая»?

– Там все время занято... – неожиданно писклявым голосом говорит один. Второй, продолжая ожесточенно тыкать пальцем в кнопки, только пожимает плечами.

«А, черт!» Я беспомощно оглядываюсь по сторонам. Люди смотрят с сочувствием, со страхом, с интересом...

– Да больница же за углом, – негромко говорит пацан, он весь перепачкался в крови.

– Давайте его в машину, – команду ю я.

Действительно, больница в двух кварталах, быстрее самой доехать, чем «Скорую» ждать. Я прыгаю обратно в машину, гоблины помогают устроить Мельникова на переднем сиденье. Откидываю сиденье назад, пристегиваю Мельникова ремнем безопасности. Он стонет, но в сознание не приходит. Седой мужчина захлопывает дверцу, пацан замер рядом. Я кричу им «Спасибо!», и мой «жигуль» срывается с места.

Машинальный взгляд на часы – девятнадцать ноль три. Прошло всего четыре минуты? Не может быть!

Я выжимаю из мотора все возможное, непрерывным гудением распугивая окружающих. Вот уже и больничные ворота видны, но тут я начинаю сознавать, что вокруг что-то происходит. Рядом воеет сирена, меня пытается обогнать машина, из окна которой высовывается парень в милицейской форме, машет, чтобы я остановилась. Извини, друг, знаю, что нарушаю, но не до тебя сейчас, и я давлю на газ.

Парень что-то кричит, довольно злобно, в руке у него появляется пистолет. Прицеливается, хлопок... машину тряхнуло, в подножку, что ли, попал? Андрей снова застонал, я в отчаянии оглянулась на него. Милиционер снова поднял пистолет, по колесам бьет. Ни фига себе, предупредительный выстрел! И больница вот она, в двух шагах, а эти уроды доехать не дают!

...Я ударила по тормозам, снова оглянулась на Мельникова. От резкого торможения он немного сполз с сиденья, хорошо, что ремень тело удерживает. В бешенстве я распахнула дверцу и выскочила из машины. Милицейская машина тоже затормозила. Ко мне побежали трое. Впереди тот, который только что стрелял: маленький такой, хлипкий и пистолетом машет, а за ним двое в бронежилетах и масках.

– Вы что! – заорала я на них, но они словно не слышали.

В одну секунду двое, которые в масках, распластали меня по капоту, обыскали железными лапами и, встряхнув, как

котенка, поставили перед коротышкой с пистолетом. Этим самым пистолетом он больно ткнул меня в ребро.

И тут на меня обрушилась такая лавина мата, что я, честно говоря, растерялась. Ну не привыкла я к такому обращению со стороны бывших коллег. Ладно, допустим, с этим конкретно я не знакома, и у него есть претензии ко мне по поводу моей манеры ездить... Но существуют же правила поведения во время задержания! Конечно, не такая уж я наивная, понимаю, что никто эти правила не соблюдает, только не до такой же степени! Да и мат у него какой-то бестолковый, абсолютно невыразительный. Выучил три слова, повторяет их с разными окончаниями и думает, что стал великим мастером по части матерщины. Никакой фантазии у человека. В школе точно двоечником был. Ему бы у Андрея пару уроков взять... О господи, Андрей! Я подняла руку, останавливая поток брани.

– Послушай, – я взглянула на погоны, – лейтенант. У меня в машине раненый оперативник, фамилия его Мельников. Его надо...

– Сам знаю, что у тебя! – перебил он. – Говори, зачем похитила работника милиции, куда хотела отвезти?

Вообще-то спросил он не совсем так. Это только суть вопроса, а говорил он гораздо длиннее и вульгарнее. Вообще не люблю, когда матерятся, да еще так бездарно. Я окончательно озверела – Андрей истекает кровью в моей машине, а этот идиот затеял какие-то дурацкие игры...

– В больницу, кретин! До ворот двести метров осталось, не видишь? – Я махнула рукой, и мальчики в бронежилетах, забеспокоившись, схватили меня за плечи. – Не смей меня лапать! – рывкнула я так, что они сразу убрали руки. – Ты, суслик белобрысый, дашь его до врачей довести или мне с боем прорываться?

– Сами довезем, – лейтенант буравил меня мрачным взглядом. – А ты прикуси язык, знаем мы таких шустрых. И за оскорбление тоже ответишь по всей строгости закона. В управление ее, – кивнул он бронежилетчикам. – Приеду, разберусь, кто такая.

Тренированные ребята подхватили меня с двух сторон, и не успела я взвизгнуть, как оказалась в милицейской машине. А этот белобрысый недомерок сел за руль моего «жигуленка» и поехал к больнице. Единственное, что меня утешило в этой ситуации, – это то, что ехал он быстро.

В управлении неразговорчивые ребята в масках сдали меня дежурному и исчезли. Дежурного я не знала. И, как назло, вообще никого знакомых.

Мне стало холодно. Я наконец заметила, что все еще босиком. Ну да, все так быстро происходило, когда мне было свои шпильки напяливать? А здесь пол, между прочим, ледяной, даром что лето на дворе. Пришлось забраться на лавку с ногами. Не сказать, что стало намного теплее. И дрожь не проходила: мое чудное «маленькое черное платье» – не самая лучшая одежда в этой ситуации, сейчас бы телогрееч-

ку...

Я посмотрела на пятна крови, заметные даже на черном. Как там Мельников? Узнать бы... Потом оглянулась по сторонам. Народу кругом полно шастает, так почему же никто из тех, кого я знаю, сюда не заглянет? Чаше надо было забегать к друзьям, укорила я себя. Теперь каждый день, как на дежурство, ходить сюда буду, пока со всеми не перезнакомлюсь! Больше часа прошло, ни одного знакомого лица не увидела. А, наконец-то!

В дежурку забежал Витя Самойлов из мельниковской группы, из старых товарищей, с ним мы успели даже поработать вместе.

– Привет, Таня, – махнул он мне. – Слыхала, Андрея ранили! – и повернулся к дежурному. – Иван Александрович, у тебя здесь должна быть бабенка, шалава какая-то, Мельникова с места нападения увезла. Ярославцев ее еле догнал. Где она? – Дежурный внимательно посмотрел на Витю и кивнул в мою сторону. Я, поджимая под себя босые ноги, постаралась принять гордый вид французской королевы в изгнании.

– Та-ак, – Самойлов, с копной пшеничных волос, голубыми глазками и носиком-пуговкой, внешне никак не производил впечатления человека, обремененного интеллектом, однако это было далеко не так. Соображал он очень неплохо. – Вот теперь понятно. Значит, это была ты. А Ярославцев, вместо того чтобы догонять стрелявших, кинулся за тобой. Догнал, значит, успешно произвел захват преступницы. Далеко

до больницы было?

– Метров двести не успела доехать, – честно ответила я. – Только меня не он захватил, слишком он хлипкий для этого. Меня спецназ скрутил. Два таких амбала, что я и пискнуть не успела. Вить, как Мельников, что-нибудь уже известно?

– В операционной, – думая о своем, машинально ответил Самойлов. Потом словно очнулся, взглянул на меня. – А чего ты босиком?

– Кто бы мне дал обуться! – довольно злобно фыркнула я. – Туфли в машине, а я здесь!

– Ты что, в машине разубаешься? Японские церемонии?

– Господи, ну при чем здесь Япония! – застонала я. – Ты пробовал в туфельках на шпильках машиной управлять? Ногу на педаль поставить хотя бы?

– Не-а, не пробовал, – ухмыльнулся Витя. – Ладно, пошли. Добежишь до нашей комнаты, босоножка?

– А у меня есть выбор? – осведомилась я. – Или ты согласен отнести меня на руках?

– Нет уж, Иванова, тебя только возьми на руки, потом не страхнешь... – Он расписался в журнале, который подсунул ему с интересом наблюдавший за нами дежурный, и двинулся к дверям. Я уже спрыгнула с лавки и последовала за ним. Но тут вспомнила о своем решении заводить новые знакомства в милиции. Остановилась, выдала самую обаятельную из своих улыбок:

– Всего хорошего, Иван Александрович. Было очень при-

ятно с вами познакомиться.

Иван Александрович, голоса которого я так и не услышала, невозмутимо кивнул, и я наконец с достоинством покинула дежурку.

В комнате, куда мы с Самойловым пришли, было ненамного теплее, но не успела я устроиться на стуле, снова поджав под себя ноги, как Витя достал из шкафа и кинул мне пушистый серый свитер. Пока я, урча от удовольствия, натягивала на себя это теплое чудо, он открыл нижний ящик своего стола и вынул шерстяные носки.

– На, надень и сядь наконец по-человечески, а то как ворона на ветке... того и гляди свалишься!

– Витя, ты что, добрым волшебником подрабатываешь? Откуда у тебя здесь эта прелесть? – умилилась я его заботливости. Свитер был немного длиннее моего многократно хваленного платица, а носки, когда я их подтянула как следует, достали почти до колен. Еще продолжая дрожать, я уже почувствовала обволакивающее меня тепло.

– Теща связала, – пояснил Самойлов, с довольной улыбкой глядя на меня. Этот парень любил, когда людям вокруг было хорошо. – У них в деревне козы, вот она пух чешет и вяжет. Из козьего-то пуха все вон какое теплое. У меня уже четыре свитера, две кофты и носков без счета. Я и сюда принес, на всякий случай. Видишь – пригодились.

– Ага, для сырых и угнетенных. Вить, это ж просто мое счастье, что ты такой предусмотрительный. А то умерла бы

я здесь мерзкой смертью.

– Это в каком смысле? – опешил Самойлов.

– В смысле замерзнутой, – объяснила я.

– Сроду ты, Таня, как скажешь, так хоть стой, хоть падай, – покачал он головой. – Люди так не говорят.

– Кому лучше знать про замерзнутую смерть, как не тому, кому холодно? – для убедительности я поплотнее закуталась в свитер и лязгнула зубами. – Ты со мной лучше не спорь!

– С тобой? Спорить? – Витя ужаснулся довольно искренне. – Да ни за что! Лучше пусть все будет по-твоему, хочешь – мерзкой смертью помирай, хочешь – замерзнутой.

– Фигушки, теперь выживу! Твоими стараниями, между прочим.

Закипел чайник, а я даже не заметила, когда Витя успел его включить. Мой спаситель кинул по пакету чая в две большие кружки, подвинул одну мне, подсунул сахар.

– А теперь рассказывай все сначала. С самого начала и подробно.

– Сначала... – Я осторожно грела ладони о горячие стенки кружки, не решаясь отхлебнуть, кипятков все-таки. – Если сначала, то родилась я в одна тысяча девятьсот... Ладно, ладно, не смотри так. Это у меня шутки дурацкие на нервной почве. Значит, так. Мельников позвонил мне сегодня днем, спросил, могу ли вечером пойти с ним в казино. Дословно: «У меня тут есть наводка, надо кое за кем присмотреть сегодня». Наверное, я ему была нужна для создания видимости

солидности. Может, и еще на какую помощь рассчитывал, но ничего не сказал. Вообще никаких подробностей, никаких обсуждений. Просто велел приезжать к семи, сказал, что встретит на улице, у входа.

Я замолчала и сделала осторожный глоток. Все-таки чай еще очень горячий. А Витя вон уже половину выхлебал. Луженый желудок у парня, хлещет кипятком и даже не морщится.

– Ладно, это предыстория, – поторопил он меня. – Это я все и так в общих чертах знаю. Дальше давай.

– Из дома я вышла без пятнадцати семь, – послушно продолжила я. – Добиралась нормально, ничего подозрительного. Андрея увидела метров за двести. В это время синий «Москвич» у меня за спиной уже маячил, но, когда он ко мне пристроился, сказать не могу. По крайней мере не раньше, чем я на Лермонтовскую свернула. До этого на светофоре долго стояла и от нечего делать машины разглядывала, которые за мной выстроились. Тогда его точно не было.

– Так, – Витя взял лист бумаги, быстро начертил небольшой план, сделал пометку. Эта его привычка мне была давно известна. Он всегда рисовал планы местности, схемы связей между людьми, графики времени. Так ему было легче работать. – Значит, здесь его не было. А где ты его заметила?

– Пожалуй, вот тут, – я показала пальцем, – у библиотеки. Здесь у меня в зеркалах что-то уже синело.

– Но точно ты не знаешь, может быть, и не он?

– Наверное, все-таки он. После библиотеки меня никто не обгонял, правого поворота здесь тоже нигде нет. А у самого казино он уже у меня на хвосте висел. Вроде тоже собирался на стоянку, за мной – поворотник замигал.

– А потом? Они передумали? Почему?

– Я знаю? Я увидела Андрея, махнула ему и собралась парковаться. А тут этот «Москвич» рванул, как из пушки, совершенно неожиданно.

– Мельников тебя видел?

– Да, он тоже мне помахал. Смотри, вот здесь казино. Здесь он стоял, – я тоже взяла ручку и делала пометки на Витиной схеме. – Здесь стоянка, а я подъехала отсюда. И вот тут они мимо меня просвистели. Вот так... – и я провела кривую, обходящую слева то место, где находилась моя машина, и устремляющуюся прямо перед ней к казино.

– Номер запомнила?

– «Е 792 тв». Но в первой цифре не уверена.

– Да нет, правильно, – печально вздохнул Самойлов.

– А что, уже нашли? Где?

– Недалеко от набережной. Там куча мелких переулков, тупичков... Вот в одном из них. Естественно, уже три дня как в угоне. Ладно, давай дальше. Проехали они мимо тебя... Что ты увидела?

– Да ничего толком не увидела. Не знала же я, что они стрелять станут.

– Но что-то подумала?

– Ага, подумала. С чего бы, мелькнуло, эти малахольные так порскнули? Потом автоматное дуло увидела. Кстати, автомат они тоже бросили?

– Нет.

– А отпечатки в машине нашли? Хоть какие-нибудь?

– Нет. Они, Таня, эту машину не просто бросили, они ее слегка подвзорвали. Поэтому мы ее и нашли быстро, пожарные сообщили.

– Ничего себе!

– Вот именно. Ничего себе, и нам тоже ничего... Кроме дула, что еще разглядела?

Я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза.

– В машине были двое, оба на переднем сиденье. У водителя уши оттопырены. Сильно, я только в мультфильмах такие видела. Как у Чебурашки. А тот, что стрелял... Вить, я же видела их всего пару секунд. Но такое ощущение, что по возрасту они где-то между тридцатью и сорока. До старости еще далеко, но уже не сопляки. Все, наверное. Они уехали, а я к Андрею кинулась.

– А почему им на хвост не села? – как-то скучно поинтересовался Витя.

Я ничего не ответила, потому что на дурацкие вопросы не отвечаю. Но посмотрела на него достаточно выразительно, так что он сразу стал оправдываться.

– Ладно, ладно, я ведь к тому, что у нас там группа была, они бы Мельникову помогли.

– Ага, этот желторотик психованный со своим пистолетиком. Пусть бы, раз он такой герой, бандитам на хвост и садился. Они бы его как увидели, так сразу испугались бы и подняли лапки вверх. А то он с двумя амбалами слабую, беззащитную женщину захватил и обрадовался.

– Вот-вот, – проворчал Витя. – Все такие умные, все кинулись к Андрею. И пока вы его друг у друга отнимали, бандиты спокойно уехали.

А в отношении «слабой и беззащитной» он промолчал, потому что знал: с этим недомерком, даже при его пистолете, Таня Иванова в два счета бы управилась.

– Я, между прочим, вообще понятия не имела, что там кто-то еще есть! – обиделась я. – Нас с Мельниковым, между прочим, этот ваш инициативный идиот, который догонять взялся, чуть не угробил. Додумался, придурок, на такой скорости по колесам стрелять.

– По каким колесам? – не понял Витя.

– По моим! Нет бы по этому «Москвичу» пальнул. Глядишь, и остановил бы. Да нет, вряд ли, он и по моей машине промазал. Вы бы его хоть стрелять научили, что ли.

– Ты что, хочешь сказать, что Ярославцев по твоей машине стал стрелять? Венька?

– Он мне не представился. Лейтенант, белобрысый, конопатый, курносый коротышка. Он?

– Ну, обычно его другими словами описывают, но похоже, что он. Венька по твоим колесам стрелял? Зачем?

– Хотел, чтобы остановилась. А мне некогда было. Я, видишь ли, торопилась Андрея в больницу побыстрее доставить.

– Да, ребята, – совсем загрустил Самойлов. – Порезвились вы, я гляжу, от души...

– Ты сам-то где был? – огрызнулась я.

– В двух кварталах оттуда, – спокойно ответил Витя. – На случай, если бы Мельников приказал следить за объектом. А Венька совсем рядом сидел, в подворотне, со спецназом. Если бы возникла необходимость задержания, в дело вступили бы они.

– О господи! – вздохнула я. – А что за объект-то?

– Мы сами толком не знаем. Информатор Андрею стукнул, что интересующее его лицо будет сегодня вечером в казино расслабляться. Обещал пальчиком показать. Мельников решил посмотреть на него, а тогда уж решать, сразу брать или походить за ним. Вот мы и рассредоточились по окрестностям. Тань, а над чем ты сейчас работаешь? Может, все-таки это ты их на хвосте притащила?

– Разводное дело, – я пожала плечами. – Детишки богатеньких родителей поженились сгоряча, а через полгода стали свадебные подарки делить. Не думаю... И потом, если они по мою душу ехали, чего они в Мельникова палить стали? Обознались?

– Н-да... Скорее, действительно, на него охотились. Ну-ка, очевидец, сосредоточься и скажи, действия этих парней

в «Москвиче» были заранее спланированы или больше похоже на случайный порыв.

– Черт его знает, все очень быстро произошло, не разберешь. А ты что ж, думаешь, просто псих какой-то пострелять вышел, а Мельников случайно под пулю угодил?

– Не то чтобы думаю. Для психа все очень уж ловко получилось. И потом, автомат, взрывчатка... Нет, здесь серьезные люди работали.

Дверь закрипела, и я обернулась. В комнату вошел белобрысый лейтенант, тот самый, что так героически меня поймал. Витя нервно вскочил.

– Ну что?

– Операция прошла успешно, – мрачно сказал белобрысый. – Состояние стабильное, средней тяжести. Сейчас он спит, действие наркоза. Если не случится осложнений... В общем, все должно быть в порядке.

– Ф-фу, – Витя снова сел. – Уже хорошо.

Мне тоже стало немного легче. Вот мы сидели с Самойловым, спокойно так, серьезно разговаривали, нормальная работа. А под этой деловитой оболочкой тщательно спрятанная, замаскированная истерика: «Как там Мельников? Выживет? Нет?» Заметно расслабившийся Витя подмигнул мне.

– Что ж, господа, пора вам познакомиться. Таня, это Ярославцев Вениамин Семенович, молодой, подающий надежды сотрудник, уже второй месяц в нашей группе, прошу любить

и жаловать.

Я сдержанно кивнула. Ни любить, ни жаловать этого подающего надежды я не собиралась. Витя же продолжал церемонию.

– А это – Татьяна Александровна Иванова, в свое время краса и гордость прокуратуры, верный друг и товарищ всей нашей группы и Андрея Мельникова лично, ныне самый знаменитый в Тарасове частный детектив.

Ярославцев даже кивать мне не стал. Только зыркнул голубенькими своими глазенками и хмуро спросил:

– Показания гражданки Ивановой уже записал?

– Ты что, Венька? – слегка опешил Витя. – Я же тебе говорю, что...

– Да знаю я, – с досадой отмахнулся тот. – Я сначала в дежурку заглянул, Иван Александрович доложил. И вообще, по-моему, уже все управление в курсе.

– Естественно, – подтвердил Самойлов без всякого сочувствия, а мне так даже теплей стало от злорадного удовлетворения. У ребят в управлении память хорошая, курносому Венечке долго будут эту историю вспоминать. И погоню дурацкую, и стрельбу... Они еще не знают, что он мне в ребро пистолетом тыкал. Оповестить, что ли, народ, дать еще один повод для шуточек?

А этот Венечка с отвращением поглядел на меня и явно нехотя сообщил:

– В больнице сказали, что все могло быть гораздо хуже,

если бы не вовремя и профессионально сделанная перевязка. Когда я привез его, кровотечение почти остановилось, так что, – он прокашлялся, – примите нашу благодарность.

Мужественный мальчик. Ему, наверное, такое сказать было все равно что лимон съесть, а ничего, справился. Так что я не стала обращать общее внимание на то, что, если бы не его показательные выступления с пистолетом, Мельников попал бы в больницу минут на пять раньше. И дай бог здоровья нашему институтскому инструктору по санподготовке, гонял он нас до посинения. Я думала, что уже забыла все, а руки, оказывается, помнят.

– Общая благодарность, от всех сразу и от каждого отдельно, – Витя, не вставая, дотянулся и хлопнул меня по плечу. – Ладно, хватит болтать, давайте работать. Веня, рассказывай, что ты успел увидеть. Сравним с Танькиным рассказом.

– Не считаю это целесообразным. – Ярославцев надулся и сразу стал похож на блондинистого индюка. – Гражданка Иванова не является нашим сотрудником, следовательно, обсуждать с ней служебные...

– Веня, – ласково перебил его Самойлов, – я же тебе объяснил, мы с Ивановой работали, когда ты только в школу милиции поступать собирался. Так что, хотя она и не наш сотрудник, человек она совсем не посторонний. Совершенно свой человек, понятно?

– Все равно я не вижу необходимости... – упрямством это молодое дарование могло поспорить с ишаком-рекордистом.

Мне это надоело, и я дернула Самойлова за рукав.

– Витя, не надо. Все равно я так устала, что не соображаю почти. Лучше я сейчас домой, а уж завтра уж... Когда с Мельниковым поговорить можно будет?

– Время посещения с семнадцати до девятнадцати, – официальным голосом выдал информацию Ярославцев. Ну прямо часы с кукушкой.

– Ладно, – махнула я рукой, – разберемся. Машина моя, я надеюсь, здесь?

Ярославцев молча вынул из кармана ключи и положил на стол. Я только покачала головой. Стянула свитер, отдала Вите, взялась за носки.

– Носки-то оставь. Или снова босиком через управление пошлепаешь?

– Понимаешь, Самойлов, если я в этих носках уйду, то их потом возвращать надо. А перед тем, как вернуть, порядочные люди вещи стирают. Я, разумеется, женщина глубоко порядочная, но ты меня знаешь и можешь себе представить, как я обожаю такое занятие, как стирка. Так что не уговаривай меня, и в босом виде добегу до машины, а там у меня туфли. Надеюсь, что они там, – выразительно посмотрела я на Веню.

Он поморщился, демонстративно отвернулся и стал разглядывать красующийся на стене график раскрываемости преступлений.

– Да забирай ты их без отдачи, – Витя озабоченно смот-

рел на меня. – Простудишься ведь. Тебе сейчас делом надо заниматься, а не болеть.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, – подмигнула я, с удовольствием снова натягивая мягкие теплые носки.

И чуть было не ушла без пропуска, хорошо Витя вспомнил, что сегодня меня без этой бумаги не выпустят. Пообещав Самойлову позвонить завтра, я попрощалась и, аккуратно обойдя продолжавшего изображать столб посреди комнаты Ярославцева, без приключений выбралась из управления.

## Глава 2

Дома я первым делом хорошенько отмокла в горячей ванне. В отношении физического состояния это здорово помогло, а вот что касается духа... Я сидела в махровом халате, с головой, обмотанной полотенцем, курила, прихлебывая кофе, и задумчиво водила пальцем по мешочку с магическими костями.

Казалось бы – совсем простая вещь, игрушка. Задаешь вопрос, бросаешь три двенадцатигранных кубика и смотришь в книге толкований расшифровку выпавшей цифровой комбинации. Мало кто относится к этому серьезно. Ну и пожалуйста, это их личное дело. А я верю в магическую силу моих гадательных косточек и не раз имела возможность убедиться в мудрости их ответов. Основная сложность здесь в том, что, когда хочешь получить мудрый совет, необходима полная душевная сосредоточенность и абсолютно четкая, не допускающая двусмысленного толкования формулировка одного-единственного вопроса.

У меня же сейчас в голове такой сумбур, что ни задать толковый вопрос, ни понять ответ я просто не в состоянии. Пожалуй, и без костей ясно, что самым мудрым поступком сейчас будет тихо-мирно лечь спать.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Молодая супруга, по поручению которой я неделю металась по городу

за ее сопляком-мужем, повизгивая от радости, поведала, что вчера на основании моих данных закатила любимому грандиозный скандал с битьем сервиза, потом они всю ночь мирились и сейчас поедут покупать ей норковую шубу. Или песцовую, она еще не решила.

Поскольку семья была спасена и шуба обещана исключительно благодаря моим неустанным трудам, клиентка теперь жаждала заплатить по счету, добавить премиальные и рекомендовать меня всем своим подругам без исключения. Мы договорились о встрече, и я с облегчением положила трубку. Не люблю я эти разводные дела, но что поделаешь, в результате они оказываются самыми прибыльными. А как говорят, «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Очень вовремя эта парочка помирилась. Меньше всего мне хотелось бы сейчас отвлекаться на всякую ерунду. Только интересно, зачем ей в августе шуба? Даже если она норковая или песцовая. Или боится, что к зиме муженек опять загуляет, проявляет предусмотрительность? Ладно, это их развлечения, а у меня другие проблемы.

Быстренько провернув все утренние процедуры, я позавтракала, привела себя в порядок и выскочила из дома. Надо будет сегодня еще полный отчет по законченному делу составить и счет оформить. Ну да ладно, это все потом, сначала в больницу, к Андрею. Что там этот мальчик-с-пальчик говорил, посещения с пяти до семи вечера? Ага, как же! Вот сейчас все брошу, сяду и буду ждать пяти часов. Знаю я на-

ши больницы. Мало ли, что они там у себя на вывесках пишут, кому надо – тот прорвется.

То, что порядки в этих богоугодных заведениях изменились со времени моего последнего посещения, оказалось для меня полной неожиданностью. Нет, внутрь я попала без проблем. То, что парадная дверь и запасной выход были закрыты, меня, естественно, не остановило. Немного наблюдательности и – вот она, обшарпанная дверца. Из нее только что выпорхнула санитарочка и побежала к административному корпусу, а дверь осталась приоткрытой. Я накинула на плечи белый халат, предусмотрительно захваченный из дома, и с деловым видом вошла в больничный коридорчик. А вот на лестнице начались новости: двое парней в камуфляже загородили мне дорогу и очень вежливо поинтересовались: куда это я в неприемные часы направляюсь? Надо же, до чего, оказывается, дисциплина в наших больницах дошла!

Меня это, конечно, тоже не остановило, это охранникам слабо. Но сам факт их присутствия произвел впечатление. Короче, под пристальными взглядами сих дюжих молодцов я слегка притормозила и не менее вежливо доложила, что у меня назначена встреча с лечащим врачом моего мужа, в хирургическом отделении. После чего, озабоченно нахмурившись, деловитым кивком позволила им продолжать нести службу, а сама удалилась в сторону хирургии.

После консультации с пожилой нянечкой, меланхолично возившей белоснежной тряпкой по идеально чистому под-

оконнику (старой закалки человек, ее часы посещения не волновали), я нашла Андрея в крохотной одноместной палате с табличкой «Изолятор». Оказывается, иногда Ярославцев способен и на разумные поступки, настоял на отдельном номере. Правильно, большая компания Мельникову сейчас ни к чему. Только вот не мешало бы охрану возле палаты выставить. Кто их знает, бандитов этих стрелявших или их нанимателей? Что еще им в голову взбредет, когда узнают, что капитан милиции Мельников жив и в больнице лежит, раны залечивает? Те двое в камуфляже, на лестнице, – не охрана, так, видимость одна, вон как я их легко обвела вокруг пальца. Омоновца бы у двери Андрея посадить для спокойствия. Да только кто ж его даст, стража круглосуточного. Людей и так не хватает. А все бедность наша...

Я на цыпочках вошла в палату и осторожно прикрыла за собой дверь. Выложила из сумки четыре коробочки сока папайи. Маленьких, двухсотграммовых, с дырочками, запаянными фольгой, и трубочками сбоку, чтобы можно было пить, не наливая в стакан. Что Андрею из еды можно, а что нельзя, по ходу дела выясним, но сок – это всегда полезно. Почему вот только он так любит сок именно этой чертовой папайи, которого нигде не найдешь? Полгорода исколесила, пока купила. Можно подумать, детство Мельникова прошло в тропиках Африки.

А Андрей спал. Не знаю, что это было – действие наркоза или тот самый сон, который лучшее лекарство. Будить

его я в любом случае не собиралась. Просто сидела на стуле и смотрела с нежностью на этого двухметрового верзилу, с которым столько лет вместе проработали, столько раз смертельно ругались, столько раз выручали друг друга, что упаси бог мне теперь его потерять... Лицо очень бледное, все-таки крови много потерял, но с простыней, как пишут в душещипательных романах, не сливается, уж очень щетина заметная.

Я слегка улыбнулась: а что, Мельникову эта легкая небритость даже идет, оказывается. Придает некий шарм. Попробовала мысленно примерить ему бороду – тоже очень неплохо. Ладно, посидела, полюбовалась, и хватит, хорошего понемножку. Надо бы, конечно, у него кое-что выяснить, но не будить же из-за этого. Все равно с врачом поговорить надо, узнать прогноз на будущее.

Лечащий врач Мельникова, немолодой худой мужчина с непропорционально крупными кистями рук, очень удивился, когда меня увидел. У них что, действительно соблюдаются часы посещения? Никогда не думала, что доживу до таких чудес! Но на вопросы мои Сергей Николаевич – судя по этикетке, болтавшей на нагрудном кармашке халата, его звали именно так – ответил очень любезно и подробно. Состояние Андрея никаких опасений не вызывало, и доктор заверил меня, что крепкий организм Мельникова с ранением справится без проблем. Что же касается того, когда можно с ним побеседовать, то, подумав немного, предположил, что

Андрей будет доступен для общения уже сегодня вечером. «С пяти до семи», – деликатно намекнул мне хирург. И, разумеется, ненадолго, поскольку пациент еще очень слаб.

Искренне поблагодарив милейшего Сергея Николаевича, я покинула больницу, причем искать потайную дверцу уже не пришлось. Крепкие молодые люди в камуфляже проводили неурочную посетительницу от лестницы до парадной двери – отперли ее персонально для меня – и очень любезно выставили вон.

Ну что ж, значит, до пяти я совершенно свободна. Вернувшись домой, я позвонила Самойлову и рассказала о своем налете на больницу. Мы немного посмеялись и поехидничали по этому поводу, потом договорились встретиться в пять у Андрея.

– Мне тут дела надо закончить, так что за тобой в управление заезжать не буду, – предупредила я.

– А то мы без тебя дороги не найдем. В конце концов, если мы с Венькой и задержимся, найдешь о чем с Мельниковым поговорить.

– Что, Ярославцев с тобой приедет? – никакой радости от этой новости я не испытывала.

– Тань, он работает с нами, в группе Мельникова, – напомнил Витя. – Привыкай. И потом, он вовсе не плохой парень, занудный, конечно, немного, но работник надежный и человек порядочный. Просто знакомство у вас вышло... неудачное. Он тебе еще понравится.

– Я от него уже в экстазе. – Никакого желания заводить нежную дружбу с Венькой Ярославцевым у меня не было. И если интуиция меня не обманывает, моя неприязнь была взаимной. – Ладно, раз обо всем договорились, хватит отвлекать меня разговорами про молодых и талантливых, у меня дел полно.

Витя хихикнул и повесил трубку. Я тщательно подвела итоги по так счастливо закончившемуся «разводному» делу и только успела все подсчитать и выписать счет, как явилась моя клиентка.

Эта крашенная под натуральную блондинку свиристелка молчать совершенно не умела. Она подробно рассказала мне про то, что от сервиза остались только две тарелки, совершенно непонятным образом уцелевшие, и соусник, который стоял на другой полке и про который поэтому забыли, про безуспешные поиски подходящей шубы, про манто из голубой норки, на коем в конце концов примирившиеся супруги остановились, про ювелирный магазин: вот она – брошечка с алмазиком. «Все равно уже настроились на определенную сумму, а манто – это ведь далеко не шуба, правда?» Естественно, я согласилась: манто действительно не шуба, тут не поспоришь.

Не переставая щебетать, дамочка лихо расплатилась новенькими купюрами, еще раз заверила, что мой телефон теперь на почетном месте в блокнотах всех ее подруг, чмокнула меня в щеку от избытка чувств и упорхнула.

Закрыв за ней дверь, я посмотрела на часы – слава богу, есть время выпить кофе. После общения со столь экспансивной клиенткой это просто необходимо. Кофе, правда, понадобилось две чашки, но они подействовали – звон в ушах прекратился.

Снова взяла в руки мешочек с магическими костями, высыпала кубики на ладонь. Какой же вопрос я хочу задать? Прикрыла глаза, расслабилась... Про состояние Андрея? Нет, на его счет доктор меня успокоил, а вечером сама все увижу. Лучше всего было бы спросить: «Кто стрелял в Мельникова?» Но увы, книга толкований – не адресный справочник деятелей преступного мира. Ответ-то я получу, но вряд ли смогу понять. Сумею ли раскрутить это дело? Сама знаю, что не успокоюсь, пока не найду подонков, значит, сумею. Ха, так я и позволила всякой шантрапе моих товарищей отстреливать! Найду, никуда не денутся. Тем более не одна, а как в старые времена – командой. Витька Самойлов, несмотря на свою незатейливую мордашку – домовенка Кузю из мультфильма не иначе как с него рисовали, – очень неглупый и опытный оперативник. И удачливый, что тоже немало. Да и Андрей, как оклемается, подключится к работе. Из больницы он, конечно, не скоро выберется, но думать-то он и там в состоянии. Ярославцев только этот...

Стоп, куда-то не в ту сторону мысли поплыли. Пошли сначала: что я хочу узнать? Может, это и спросить? Даже интересно, какой ответ получится.

Я открыла глаза и взглянула на часы. О, как время летит, пора в больницу. Халат в машине лежит, пусть там и остается – теперь он мне постоянно нужен будет. Похлопала себя по карманам, все, что нужно, с собой, можно ехать. А кости потом брошу, вечером, когда вернусь.

## Глава 3

Андрей, уже выбритый и заметно порозовевший, лежал, не сводя глаз с двери.

– Танька! – обрадовался он. – Наконец-то! Я уже заждался.

– Так я утром забегала, ты спал, – машинально я взглянула на тумбочку, коробочек с соком осталось только две. Черт, а я не заехала в магазин!

– Знаю, что забегала, – Андрей расплылся в довольной улыбке. – На Сергея Николаевича ты произвела неизгладимое впечатление. Выяснял у меня твое семейное положение. Я честно сказал ему, что ты третий раз замужем и от каждого мужа у тебя по трое детей, общим счетом девять.

– Спасибо, – я присела на стул рядом с койкой, – ты настоящий друг. И как он это принял?

– Мужественно. Спросил, нет ли у тебя младшей сестры.

– Андрюша, – я осторожно коснулась пальцами загорелой руки, – как ты? Очень больно?

– Терпимо, хотя удовольствие, конечно, ниже среднего, – он поморщился. – И не называй меня «Андрюша», а то у меня сразу просыпается комплекс неполноценности. Я начинаю чувствовать себя несчастным маленьким мальчиком и готов плакать от жалости к себе.

– У меня у самой, глядя на тебя, слезы наворачиваются.

Материнский инстинкт, наверное, срабатывает, девять детей как-никак.

Он было засмеялся, но тут же побледнел и медленно, осторожно выдохнул.

– Не смеши меня, а то больно.

– Ладно. Слушай, Андрюша...

– Танька!

– Ну, извини! Слушай, Мельников, скоро ребята подойдут, обсудим ситуацию. Ты отдохни, пока их нет, а то врач меня специально предупредил, что утомляемость у тебя сейчас повышенная.

– Это точно, – он прикрыл глаза и заметно расслабился. – Сегодня столовую ложку творога пятнадцать минут ел. Так и не осилил, заснул.

– Вот и кончай болтать, можешь опять подремать, пока совещание не началось.

Не знаю, задремал он или нет, но до тех пор, пока в палату не ввалились, в одном халате на двоих, Самойлов с Ярославцевым, лежал тихо.

В крохотной палате сразу стало тесно. Я, естественно, осталась на стуле, Самойлов, на правах старого сослуживца, уселся на кровать, в ногах у Андрея, а Ярославцев, неодобрительно поглядывая на меня, отошел к окну и устроился на низком подоконнике.

Удостоверившись, что начальник выглядит довольно прилично и вполне работоспособен, Витя поставил на тумбочку

литровый пакет с соком папайи.

– Где ты нашел такой? – удивилась я. – Мне попадались только двухсотграммовые.

– Места знать надо, – не стал делиться секретами Самойлов. Он открыл папочку, с которой везде таскался, и достал оттуда несколько листов бумаги. Сверху я заметила план квартала вокруг казино с нашими пометками. – Таня, быстренько повтори, что ты успела увидеть.

Я сжато рассказала свою версию, все трое слушали меня очень внимательно. Потом было сольное выступление Ярославцева, который видел еще меньше моего.

Он со спецназовцами сидел под аркой дома, и высунулись они только на звук выстрелов. Кто стрелял и откуда, не видели. Пока выехали, только и успели заметить, как я с какими-то мужиками заталкиваю Мельникова в машину. О том, что произошло потом, он говорить не стал. Рассказывая, Ярославцев смотрел только на Андрея и Витю, меня как бы не замечал. Мельников слушал с интересом, а Витя вздыхал, возил обратной стороной ручки по плану, но никаких пометок не делал. Дошла очередь до Андрея.

– Сразу скажу, – начал он, – свидетель я самый тухлый. Высматривал твою, Танька, машину, поэтому на другие вообще внимания не обращал. Откуда этот «Москвич» взялся, не знаю, заметил его только, когда оттуда палить стали. Главное, от неожиданности растерялся, мне бы залечь сразу, глядишь, оно и обошлось бы... А я варежку разинул и стою,

как мишень в тире. И морды ни одной не заметил, даже не знаю, сколько их было, только дуло автоматное пляшет перед глазами, и все.

Андрей запыхался, все-таки долго говорить ему было еще трудно.

– Передохни, – посоветовал Витя, мрачно разглядывая свой план.

– А что свидетели? – без особой надежды поинтересовалась я. – Народу-то полно сбежалось.

– Как обычно, – радости в голосе Самойлова не прибавилось. Он взял другой листочек, посмотрел на него с отвращением. – Они и тебя-то толком описать не смогли, а ты там пять минут крутилась...

– Четыре, – поправила я. – Ровно четыре минуты, на часы смотрела.

– Ну четыре, – не стал спорить Витя. – Один более-менее приличный мужик, из внешней охраны казино, успел что-то разглядеть, сейчас с ним работают на предмет фоторобота. Потом посмотришь, сравнишь. Он, кстати, тебе помогал, седой такой.

– А, помню. Хотя в лицо, наверное, не узнаю, я его не разглядывала. Ладно, бог с ними, со свидетелями. Я вот чего не могу для себя решить: что это все-таки было? Случайное нападение или спланированное покушение? Кто вообще знал, что ты в семь часов будешь там торчать?

– Ты, – не задумываясь ответил Андрей.

– Так, за телефон я ручаюсь, там «жучков» нет. Сама я ни с кем эту встречу не обсуждала. Слежка... Не знаю, стопроцентной гарантии дать не могу. Явный хвост я бы заметила, конечно, но специально не присматривалась, так что все может быть.

– Ерунду ты мелешь, Танька, – Мельников поерзал на подушках, устраиваясь поудобнее, и сморщился от боли. – Мы с тобой раз в сто лет встречаемся, я утром сам не знал, что позвоню тебе. Если это специально на меня выходили, то зачем бы им было за тобой следить.

– Может, все-таки случайность? – подал голос Ярославцев.

– Ну да, конечно. Ехали себе ребята спокойно по улице, смотрят, капитан Мельников стоит, красивый такой, весь в штатском. А давайте, решили они, подстрелим его, вот смеху-то будет! Сто процентов, именно так все и было... – съехидничала я.

– Не скажи, Иванова, – рассудительно покачал головой Витя. – Случайности, они всякие бывают, сама знаешь...

– Мало ли что я знаю... Мельников, ты лучше скажи, чего ты вообще туда поперся?

– Это по делу Кондратова, того директора стройфирмы, которого взорвали неделю назад. – Самойлов и Ярославцев согласно кивнули, дескать, понимаем, о чем речь. Я слегка покопалась в памяти и тоже кивнула. За криминальной жизнью родного Тарасова я слежу внимательно, а это дело, хотя

и не из самых громких, было достаточно заметным. Во всех наших газетах о нем по крайней мере писали.

Кондратов, коммерческий директор процветающей строительной фирмы «Орбита», 27 июля сего года после окончания рабочего дня вышел из офиса, сел в принадлежащий ему автомобиль «Субару», включил зажигание, и машина взорвалась. Осколками были легко ранены несколько прохожих, сам Кондратов скончался на месте. Я не знала, что это дело Мельникову подбросили, но, с другой стороны, ничего странного в этом нет, кому ж еще.

– Дело подвисло, – продолжал тем временем объяснять Андрей, – вот я и начал всех подряд прочесывать. А вчера мне один мой осведомитель позвонил, он как раз в этой «Козырной шестерке» в баре работает. Слышал, говорит, что в нашем казино сегодня вечером будут люди, связанные с интересующим вас делом. Кто конкретно, он сам толком не знал, но вроде бы исполнители.

– Ясно, – я остановила его, давая возможность немного отдохнуть и отдышаться. – Вы разработали план, ты собирался посмотреть на этих людей и определиться с действиями. Витя должен был обеспечить слежку за подозреваемыми, Ярославцев в случае необходимости – задержание, я бы создала для тебя маскировочный фон и вообще была бы под рукой, на всякий пожарный. Правильно?

– Правильно, – сказал Витя. Андрей только бледно улыбнулся – явно устал. Мы с Витей переглянулись, и он стал за-

совывать свои бумаги обратно в папочку.

– Слушай, Мельников, а не поговорить ли мне с этим твоим осведомителем? – предложила я. – Кто такой, как его узнать?

– Извините, Татьяна Александровна, – впервые сегодня Ярославцев обратился прямо ко мне. – Очень жаль, конечно, но боюсь, ваши услуги нам не по карману. Вы ведь человек коммерческий, берете с клиентов двести долларов в день? Да еще добавляете, как известно, фразу: «И скажите спасибо, что не евро».

Я оторопело посмотрела на него, потом на Самойлова. Витя сморщился и обреченно махнул рукой, очевидно, уже имел с ним беседу на эту тему. Андрей поперхнулся от неожиданности и начал медленно багроветь. А вот это нам совсем ни к чему. Я быстро положила ладонь Мельникову на грудь.

– Спокойно, не вздумай подпрыгивать. Когда встанешь на ноги, тогда и объяснишь... господину лейтенанту, – ах, как Ярославцева перекосило, будто лимон разжевал. – Кстати, – я одарила всех безмятежной улыбкой, – мне пришлось изменить формулировку. Курс евро настолько упал, что слова «скажите спасибо, что не евро» теперь неактуальны. Мельников, так как мне найти в казино этого героического работника общепита?

– Это один из барменов. Фамилия Кабанов, зовут Александр, Шурик. Ростом с тебя, но вдвое толще. Блондин, ко-

роткая стрижка, усы. Узнаешь.

– Ладно. Значит, бармен за мной.

– А мы пройдемся еще раз по «Орбите», как считаешь, Андрей? – Витя уже застегнул папку и поднялся.

– Попробовать стоит. Очень у них там все вычищено... А то, что кто-то из фирмы в убийстве Кондратова завязан, ясно это и к гадалке ходить не надо. Уже собрались? – жалобно спросил Мельников, глядя, как мы столпились в дверях.

– А ты с нами еще не наговорился? – удивился Витя. – Ты же еле дышишь!

– Не расстраивайся, – подмигнула я. – Завтра приду с новостями.

И только один Венечка Ярославцев попрощался с большим человеком вежливо.

Я, конечно, могла ехать искать этого Шурика прямо из больницы, но засомневалась, стоит ли ломиться в казино в джинсах. Решила заехать сначала домой, переодеться.

В этот раз с выбором наряда я особенно не мучилась. Есть у меня, специально для таких случаев, свободный брючный костюм с объемным пиджаком. Основное его достоинство в том, что, сохраняя элегантный вид, я имею возможность незаметно надеть кобуру с пистолетом.

К казино я подъехала около восьми. Неторопливо прогулялась по залам, подошла к бару. Вид себе придала рассе-

янный, немного скупающий. Народу немного, хотя больше, чем я ожидала, все-таки рано еще. В баре крутятся двое, девица неопределенного возраста, с навеки удивленно приподнятыми бровками и капризно оттопыренной нижней губкой, и парень. Поскольку девица барменом Шуриком оказаться никак не могла, я сосредоточила внимание на парне.

Белая рубашка с длинным рукавом, галстук-бабочка, форменный красный жилет с большим круглым значком казино, нижняя пуговица расстегнута. Коротко подстриженные светлые волосы, пухлые щеки, пшеничные усы. Ростом действительно с меня, а вот что в два раза толще, это Мельников мне польстил. Хотя парень, конечно, полноват. Издержки профессии, наверное.

Я подошла к бару и, выждав удобный момент, тихо окликнула:

– Шурик?

– Слушаю, – он неожиданно живо крутанулся в мою сторону, любезная улыбка приклеена намертво.

– Хотелось бы побеседовать. Интимно, – прошептала я.

– Не понимаю... – несколько поблек бармен.

– А я объясню, не сомневайся. Только наедине.

– Но кто вы? И зачем... то есть почему...

– Шурик, не строй из себя болвана. После вчерашнего трудно не догадаться, кто я, зачем и почему.

– Но со мной уже беседовали! Еще вчера!

– Ты мне надоел, – змеюкой прошипела я. – Или ты сейчас

выходишь со мной, или... – знаю я этот тип своих молодых современников. Такого непременно надо припугнуть, тогда он шелковым становится.

– Но я же на работе! – он взглянул на меня и поежился. – Хорошо. Лера, я на минуту, ладно?

Девица, которая в каком-то очень сложном ритме трясла шейкер, равнодушно пожалала плечами, и Шурик вывел меня из зала через неприметную дверь рядом со стойкой в полутемный коридорчик. Я покачала головой:

– Выйдем на улицу.

Больше не сопротивляясь, он провел меня к задней двери, и мы вышли во двор. Я огляделась. Что ж, все как положено: в помещении бархат, позолота и хрусталь, а на хоздворе грязь, лужи и переполненные мусорные баки.

– Так кто же вы все-таки? – жалобно проблеял Шурик.

– Частный детектив Татьяна Александровна Иванова, – веско произнесла я и, продемонстрировав пистолет, ткнула его дулом в живот. После чего, резко сменив тон, ласково продолжила: – И сейчас ты, Шурик, быстро и внятно объяснишь мне, как и зачем ты моего лучшего друга, капитана Мельникова, под пулю подвел.

– Татьяна Ивановна! Христом-богом клянусь! – Бармен смотрел не на меня – не сводил взгляд с пистолета, упиравшегося в его пивное брюхо. Согнутые руки он сразу же, как только увидел оружие, поднял на уровень плеч, пухлые ладони, обращенные ко мне, дрожали.

– Татьяна Александровна, – невозмутимо поправила я. – Иванова – это фамилия. Ну, я жду.

– Татьяна Александровна, бог свидетель, ни при чем я! Да неужели бы я против Андрея Николаича! Мне Андрей Николаич как отец родной, так неужели такой грех на душу... Вот хотите, крест вам на том поцелую?..

Он торопливо дернул «бабочку», расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и вытащил наружу небольшой золотой крестик, несколько раз его истово поцеловал, приговаривая:

– Ни при чем я, вот как бог свят, ни при чем!

– Верующий? – я убрала пистолет от живота, но в кобуру не спрятала, держала в руке. Шурик вздохнул чуть свободнее и с энтузиазмом отрапортовал:

– Истинно верующий, в церковь хожу, посты соблюдаю. – На секунду задумался, потом добавил: – Каждое воскресенье на исповеди, у отца Михаила.

Надо же! В жизни не видела такого добропорядочного бармена. И ведь действительно похоже, что верующий. Интересно, он на исповеди отцу Михаилу рассказывает, сколько клиентов за неделю обсчитал? А что, все нормально, грешит парень и тут же кается, все по Островскому. Я еще пару секунд помолчала, внимательно вглядываясь в него, нагнетала напряжение, потом улыбнулась и убрала пистолет. Шурик воспрял духом и тут же выразил полную готовность рассказать мне все, что я пожелаю узнать.

– Так что за людей ты хотел показать Мельникову?

– Татьяна Ива... извините, Александровна! Так ведь Андрей Николаич хотел узнать что-нибудь про Кондратова. Тот бывал у нас здесь. Раньше, естественно, до того, как его взорвали.

«Естественно, до того, – мысленно согласилась я, – после взрыва он потерял интерес к подобным развлечениям».

– И когда он погиб, сами понимаете, слухи пошли, сплетни. Тут разное болтали, но в основном, что жадность его сгубила. Сами понимаете, народ у стойки толчется, разговаривает под выпивку, а я работаю, не всегда и разберешь, кто что сказал. Но обсуждали, что вроде он, Кондратов то есть, кому-то здорово на мозоль наступил. А другие говорили, что не то он кому-то недоплатил, не то на него денег пожалели, решили, что убить дешевле...

– А ты сам как думаешь?

– Я об этом ничего не думаю. Мне о таких вещах и думать не положено. Но хочу вам сказать, в этом деле все может быть, он ведь большими деньгами ворочал, Кондратов, очень большими.

– Ну хорошо, это слухи, а что конкретно ты узнал, кого Мельникову показать хотел?

– Был один разговор. Вчера, уже под утро, перед закрытием. Клиенты поднабрались, разговорились... Подошли к бару двое, они не постоянные наши посетители, но в последнее время каждый вечер заходили, когда на пару часов, а когда и на всю ночь. Играли всегда только в рулетку, к другим сто-

лам не подходили даже. Я им виски налил, они выпили, смеялись что-то, по плечам друг друга хлопали. Ну, я не очень прислушивался, устал уже. А они еще заказали, и тут один рюмку поднимает и говорит: «Помянем Барина, земля ему пухом!» И снова засмеялся. Другой ему буркнул что-то, я не разобрал, а этот знай себе ржет. «Отдадут, – говорит, – и вторую половину, мы их, – вы уж, Татьяна Александровна, извините, прямо повторять неудобно, – крепко за задницу держим». И тут до меня дошло: Кондратова-то убили!

– А раньше ты считал это самоубийством?

– Да нет, я имею в виду, что они убили!

– Не поняла, почему именно они?

– Так ведь Барин – это Кондратов! У него не то чтобы кличка, а так... вроде прозвища. Я, когда сплетни слушал, запомнил, его часто «Барином» называли.

– По-нят-но, – по складам сказала я. – И что потом?

– Потом тот, веселый, хотел к рулетке вернуться, а второй ему говорит: «Хватит, да и казино скоро закрывается, завтра все равно придем, вот и доиграешь». Выпили еще и ушли. А я сразу, ну то есть не сразу, а утром, Андрею Николаичу позвонил. Он же мне как отец родной, кто же знал, что так все получится?

Я сунула руки в карманы, постояла молча, пристально разглядывая бармена. Под моим взглядом он снова занервничал, снова потянулся к крестику, бормоча «вот как бог свят». Собственно, ни сам Шурик, ни его рассказ сомнения

у меня не вызывали, просто надо было подумать.

– Подожди, – остановила я его бессвязный лепет. – Опиши мне этих двоих.

– Они оба... ну такие, обыкновенные, – он немного растерянно посмотрел на меня. – Не кавказцы, это точно, русские. Одеты хорошо, рубашки канадские, знаете, такие белые, из тонкого трикотажа. К телу очень приятно. Брюки... фирму назвать не могу, но на губернском рынке, на втором этаже недавно похожие видел, за тысячу двести, мокасины у обоих настоящие. Да, еще, у того, второго, часы на руке, «Ролекс», солидная вещь. А у веселого на левой руке кольцо. Печатка. На безымянном пальце. Если действительно золотое, то очень недешево стоит.

– Шурик, а лица у них какие были? Рост? Высокие, маленькие, толстые, тонкие? Приметы особые?

– Приметы? Да нет, ничего особенного, люди как люди. Рост? – Он задумался, потом поднял ладонь сантиметров на пятнадцать над своей головой: – Вот такие примерно. Один чуть пониже, тот, что с часами. Не толстые, но и не хлипкие, обыкновенные... А, вспомнил, есть примета! У веселого зуб золотой, сверху, вот здесь, – Шурик показал на коренной зуб слева. – Так его незаметно, а когда смеется, то сразу видно.

– Зуб – это, конечно, примета, – вздохнула я. – А уши? Может, оттопыренные сильно?

– Уши? Да вроде нормальные. Нет, не знаю, не присматривался.

– Ну ладно. А пришли они вчера, как собирались?

– Нет. Но вчера здесь такая суета была! Милиции понаехало, и снаружи, и внутри, свидетелей искали. Посетители, которые поосторожней, сразу разошлись, зато любопытных полные залы набилось. И никто же мимо бара не пройдет, все ко мне. Так что столпотворение, оглянуться некогда было. Но я так думаю, если бы они в баре были, я бы их увидел. И рулетка, где они всегда играли, мне хорошо видна.

– Но если бы они заглянули в казино, увидели, что здесь милиция, и сразу ушли, ты мог их и не заметить?

– Ну... если сразу, не сыграв, не выпив... тогда, конечно, мог и не заметить. Только зачем же им тогда в казино приходить, если не играть и не выпивать? – глубокомысленно отметил он.

– Это ты, конечно, прав, – не менее глубокомысленно согласилась я. – Если не играть и не пить, то и в казино приходить нет смысла. Шурик, а когда эти двое впервые появились у вас? Ты сказал, несколько дней назад, это до двадцать седьмого июля или после?

– Господи, да разве ж я теперь вспомню! – Шурик всплеснул руками. – Вокруг меня ведь каждый день люди, словно пчелы, роятся!

– И все-таки. Двадцать седьмое, среда, восемь дней назад. Когда перед тобой эта парочка начала мелькать? Раз несколько дней, значит, больше трех. Четыре? Пять? Или тебе не хочется об этом говорить? Ты ведь не будешь от меня

ничего скрывать, а, Шурик?

– Татьяна Александровна, да что вы! Я же перед вами как на духу, как перед родной матерью...

– Ты это брось, – поморщилась я. – Придерживайся одной версии: или Мельников – твой родной отец, или я – родная мать. И то, и другое вместе никак не получится.

– А? – тупо спросил Шурик.

– Ладно, забудь, – я сунула ему визитку. – Здесь мой номер телефона. Если вспомнишь, какого числа эти двое у вас появились, позвони мне. И если снова их увидишь, звони. Только на этот раз не дожидайся утра, звони сразу, понял?

– Понял, – Шурик старательно закивал, запихивая картонный прямоугольничек во внутренний карман своей шикарной жилетки. Потом робко поднял на меня глаза: – Я могу идти? А то у меня работа.

– Конечно. И постарайся вспомнить, очень тебя прошу. Знаешь, какую-нибудь точку отсчета найди около двадцать седьмого. Ну там, скандал в зале или на кухне что пригорело. Выходной, зарплата, мало ли. У других можно спрашивать аккуратно, может, крупье, что на рулетке стоит, их запомнил...

– Постараюсь, – пообещал он. Застегнул рубашку, поправил свой нелепый галстучек. Спросил неловко, глядя не на меня, а в сторону: – Татьяна Александровна, скажите, Андрей Николаич, он как... выживет?

– Выживет, – улыбнулась я. – Врачи говорят, что все будет

хорошо.

– Слава богу, – вздохнул он и перекрестился. – Я за его здоровье свечку поставлю.

– Спасибо. Я ему передам.

– Да нет, я же не за этим, – смутился Шурик. – Я же от души...

– Хорошо, тогда просто привет передам.

– Привет передайте, – он уже привел себя в порядок и заторопился, – ну я пойду?

– Счастливо, Шурик. Буду ждать твоего звонка.

Дома я была часов в девять. Очень хотелось есть, а вот готовить совсем не хотелось. Ну и ничего страшного, на этот случай у меня давно отработан, так сказать, скорострельный вариант ужина: на ломтик хлеба кусочек копченой колбаски, колечко лука, ломтик помидорки, веточку петрушки и накрыть пластинкой сыра. Эту пизанскую башню ставишь в СВЧ-печку на полторы минуты и, пожалуйста, – «кушать подано»! Разумеется, в холодильнике не оказалось помидоров и петрушки, но лук, колбаса и сыр присутствовали, а хлеба я, умница какая, по дороге домой купила. Значит, придется ограничиться упрощенным вариантом.

Обеспечив себя горячими бутербродами и большой чашкой кофе, я развернула наши «Известия», которые не успела просмотреть утром, и приступила к ужину. Новости ни у нас, ни за рубежом, увы, сердце не радовали. Пожалуй, только

культурная жизнь кипит – премьеры, выставки, концерты. Наш Тарасов тоже весь афишами заклеен. Сегодня только видела, какой-то молодежный оркестр из Англии приезжает. Сходить, что ли? Правда, есть опасность встретиться там с моей неудавшейся любовью, бизнесменом-меломаном Романом Анатольевичем. Ну и что же теперь, прятаться мне от него, что ли, ни на один концерт не сходить?

Убрала со стола, помыла посуду, подмела. Кухня все-таки страшное место! Я ведь не готовлю почти, откуда же здесь столько мусора?

В комнате, впрочем, тоже не мешало бы пройтись, хотя бы с веником. Но на этот подвиг сил у меня уже не было. И вообще, пора было заняться делом. Я присела к столу, взяла лист бумаги и записала краткое содержание своего разговора с барменом.

Что же он сказал мне полезного? Двое, которые пили за упокой души Барина-Кондратова. Собственно, здесь никакого криминала, за упокой души бизнесмена могли выпить и его друзья. Но эти, кроме того, намеревались получить «вторую половину», что вызывает определенный интерес. Они «крепко держат за задницу»... Кого? Заказчика убийства Кондратова? Но, к сожалению, не исключена возможность, что их разговор вообще не имел никакого отношения ни к Кондратову, ни к его смерти. Мало ли о чем могут вести разговор двое поддатых посетителей казино, с шутками и намеками, понятными только им двоим.

Кстати, имеются еще двое – те, которые стреляли в Андрея. По приметам сопоставить довольно сложно. Я запомнила оттопыренные уши, а Шурик – канадские рубашки и золотые часы. И как прикажете считать: та же это пара или другая? Те, которых видел бармен, вчера в казино не появились. Но, судя по его рассказу, они в любом случае к милиции особой любви испытывать не должны. Значит, их отсутствие там, где только что стреляли и где работники милиции станут теперь усердно проверять и трясти всех, кто под руку подвернется или просто окажется поблизости, вполне естественно. Может быть, они вообще решат, что здесь больше показываться нельзя. Да нет, казино затягивает, если они ребята азартные, то непременно придут. А по словам Шурика, они хоть и не завсегдатаи, но последнее время каждый день бывали. Следовательно, их действительно затянуло и ничто теперь не остановит, должны прийти. Вот только когда? Завтра или через недельку? Через недельку меня не устраивает, я столько ждать не могу. Как бы их поторопить?

А эти, в синем «Москвиче»? Мне показалось, что они собирались заехать следом за мной на стоянку. Или только показалось? И они, прикрываясь моей машиной, подбирались к Мельникову? Если это спланированное покушение, то почему именно вчера и именно там? Не самое удобное место и время. И уж очень точно все рассчитано. Появись они на несколько минут позже, мы с Мельниковым были бы уже в казино. Нет, у нас на Руси таких точных расчетов не де-

лают. У нас плюс-минус полчаса. Тогда случайность? А вот в сие я поверить никак не могу. Из всех, кто был возле казино, выбрали для мишени капитана милиции в штатском. Бред какой-то.

Хорошо, допустим, двое в «Москвиче» прекрасно знали, что это именно капитан милиции в штатском. Предположим даже, что были в курсе нашей с Мельниковым встречи, но не знали, в какое время она произойдет. В таком случае они должны были поджидать меня у дома, потом ехать за мной, подразумевая, что Мельников будет ждать возле казино. Что и говорить: двухметровая мишень на тротуаре, тут уж никакая точность не нужна. Такое вполне могло произойти. И больше похоже на правду.

А кто им сообщил о нашей встрече? Знали о ней только три человека: я, Мельников и Шурик. Меня и Мельникова сразу исключаем. Остается Шурик. Кажется, богомольного бармена надо потрясти как следует. Исповедуется он каждую неделю перед отцом Михаилом. Пусть теперь передо мной поисповедуется. Каждую неделю не нужно, мне только один раз, но основательно.

Кстати, а ведь Самойлов и Ярославцев тоже знали, что Мельников в казино будет. Да, дела... Самойлов – ясно. А вот Ярославцева я не знаю. Ребята его знают, а я нет. А раз не знаю, то хорошо бы белобрысого мальчика прощупать. В нашем деле всякое случается. Хотя ему-то было известно и время, и место. Тогда этим, в «Москвиче», за мной следить

не требовалось. А кто сказал, что они следили? Я же их заметила перед самым казино.

Господи, я что, с ума схожу помаленьку?! Только из-за того, что Ярославцев мне не нравится, готова обвинить его в соучастии при покушении на Андрея? Самойлов с Мельниковым не первоклашки, их вокруг пальца так просто не обведешь. И если они считают его нормальным парнем, значит, так оно и есть. Но я все равно остаюсь при своем мнении, балбес он.

Пойдем дальше. Бандиты не знали про засаду, с их точки зрения все было чисто. Потому и действовали довольно смело, даже дерзко... И уйти стрелкам удалось чисто случайно. Если бы белобрысый герой не ловил мух в своей подворотне и кинулся догонять не меня, а тех, которые стреляли в Мельникова, то со своими спецназовцами взял бы их тепленькими... Хотя опять получается: и про Мельникова Ярославцев знал, и за бандитами не погнался. И ничего ему в вину не поставишь. Причина вполне уважительная – бросился спасать командира.

Теперь глянем с другой стороны. Бандиты знали о засаде, но были уверены, что погони за ними не будет. Тоже интересный поворот... Именно у Ярославцева имелась великолепная возможность сорвать погоню после покушения. Например, сказать: ошибся, бросился не в ту сторону, с кем не бывает? Хотя никто не мог заранее просчитать, что это я Мельникова повезу, Ярославцеву пришлось бы гнаться за

стрелками из синего «Москвича». А собственно, он мог ни за кем и не гнаться. Просто решил бы сам доставить раненого в больницу. Интересно, интересно...

Бандиты действовали по простой и примитивной схеме: примчались – обстреляли – умчались. Дальше, правда, схема ломается. Оружие не бросили. Машину хоть и бросили, но зачем-то еще и взорвали. Видно, люди они достаточно опытные, знают правила, но склонны к дешевым эффектам. По крайней мере машину взрывать никакой необходимости не было. А они взорвали. Что это нам дает? Пока ничего. Но запомнить надо, может потом пригодиться. А пока ясно только то, что ничего не ясно...

Но Кондратова тоже взорвали в машине! Так что вполне может быть, что Шурик прав: виски у него в баре пили убийцы Барина. И стреляли в Андрея тоже они, потому что знали, зачем он пришел в казино. Значит, опять возвращаемся к Шурику. Проболтался кому-то про Мельникова? Или сознательно на него навел? Вообще-то он мне показался довольно искренним, но кто знает? Лично я за его невиновность голову на отсечение не дам. И потом, как же он такие выдающиеся уши не заметил? Профессиональный осведомитель должен быть наблюдательным. Или заметил, но не сказал, морочил мне голову канадскими рубашечками?

Зазвонил телефон, я взяла трубку.

– Слушаю!

– Татьяна Александровна, я вспомнил! – голос в трубке

звенел от возбуждения. – То есть вычислил!

– Шурик, это ты? – уточнила я.

– Ну да. Татьяна Александровна, я, как вы сказали, стал думать. Двадцать пятого они в первый раз пришли! У нас в тот день была не то чтобы драка, а так, суматоха небольшая. Посетитель один стал к девушке-крупье приставать, и его вывели. Аккуратно, конечно, без скандала, так, чтобы никто не обратил внимания, но мы-то заметили. Я у нее спросил, и она говорит, что это было двадцать пятого! Точно!

– Ясно. Слушай, а Кондратов тогда мог быть в казино?

– Двадцать пятое – это какой день, понедельник? Значит, да. Он человек привычки. Всегда приходил к нам по понедельникам и пятницам, два раза в неделю.

– Ясно. А знаешь ли ты, Шурик, что бывает с теми, кто дает ложные сведения?

– Татьяна Александровна! – взмолился Шурик. – Я же перед вами как на духу! Как на исповеди!

– Ладно, ладно, не дергайся, я же не говорю, что ты врешь. Спасибо за информацию. Но имей в виду, я ведь все проверю. И еще, сегодня этих двоих нет?

– Нет, – с сожалением ответил он. – Может, придут, еще рано... Я тогда сразу позвоню, я ваш номер телефона выучил.

– Спасибо, – повторила я. И решила поддержать энтузиазм бармена добрым словом: – Ты оказываешь следствию очень большую помощь.

– Так я же, чтобы найти, кто в Андрея Николаича стрелял, все что угодно... Вы уж ему привет передайте, не забудьте!

– Ни в коем случае не забуду. Андрей Николаевич получит твой привет в целости и сохранности.

– Ну я побежал, а то опять Леру одну бросил! До свидания, Татьяна Александровна.

– До свидания, Шурик.

Я медленно положила трубку. Значит, эти двое были в казино в тот же день, что и Кондратов. Знакомились с жертвой? Возможно. Или следили за ним? Или опять случайное совпадение? Что-то слишком много в этой истории совпадений. Интересно, Шурик правду говорит или все-таки врет?

Я взглянула на листок со своими записями, потом на часы. Ого, за полночь! Если для бармена «Козырной шестерки» это еще рано, то для меня уже довольно поздно. То-то я чувствую некоторую затрудненность мыслительного процесса. Оказывается, спать пора, а не ответы на каверзные вопросы искать. Что ж, против природы не попрешь, значит, как любила говаривать унесенная ветром Скарлетт, «об этом я буду думать завтра».

## Глава 4

Утром я позвонила Самойлову.

– Витя, можно мне подъехать, документы по Кондратову посмотреть, что вы там накопили?

– Только до десяти, потом меня не будет. Успеешь? – как-то устало спросил он.

– Запросто! Сейчас буду.

Если голос по телефону у Вити был усталый, то вид и во все изможденный.

– Не выспался? – сочувственно спросила я.

– Если бы только! Совсем забегался. Что вчера выяснила?

– Тебе основное или подробно?

Он посмотрел на часы.

– Давай основное, но подробно.

Я начала рассказывать обо всем, что узнала, и мысли свои об этом, и сомнения. Только о Ярославцеве ничего не сказала. О Ярославцеве я отдельно с Мельниковым поговорить решила. А Витя, как обычно, достал свои листочки и стал делать пометки.

– Значит, говоришь, впервые они появились в казино двадцать пятого, в день, когда там в последний раз был Кондратов. Думаешь, пришли на него посмотреть?

– Не знаю. В общем-то, место для наблюдения за будущей жертвой идеальное – народ расслабляется, суета, никто ни на

кого внимания не обращает. Но, может быть, и случайность. Слушай, а охрана что говорит? В казино ведь должны профессионалов держать, с наметанным глазом.

– Внешняя охрана дала сносные приметы «Москвича» и очень четкие твои. Я говорил, один из них тебе помогал, он хорошо тебя запомнил. Подтверждает, что в «Москвиче» сидели двое. Не то чтобы он хорошо их разглядел, но фоторобот попробовали составить, вот, смотри, – он подал мне листок.

Нет, эти две физиономии никого мне не напоминали.

– Витя, а их надо Шурику показать, бармену этому, – ожи-вилась я. – Пусть посмотрит.

– До этого я тоже додумался, – кивнул Витя. – И если Шу-рик их опознает, то получим прямую связь между нападени-ем на Мельникова и убийством Кондратова...

– Тогда, следовательно, они стреляли в Андрея потому, что он на них вышел? И выходит, это бармен его подставил?

– Тут-то я ни черта и не понимаю! – Витя ожесточенно потер лицо ладонями. – Во-первых, ни фига еще Андрей на них не вышел, пока все было на уровне намеков. Во-вторых, зачем Шурику его подставлять, что он, самоубийца? Потом, даже если Андрей и вышел на исполнителей, самое логичное для них было немедленно рвать когти! Зачем им осложнять себе жизнь стрельбой?

– А больше ведь никто не знал, что Мельников там будет. Только ты, да я, да Ярославцев...

– Да еще Шурик, – вынужден был он согласиться со мной.

– Кстати, Самойлов, вы-то с Ярославцевым хоть знали, что с Андреем в казино я пойду? – как бы мимоходом поинтересовалась я.

– Да нет, ты же знаешь Мельникова. Он такие вещи никогда другим не рассказывает.

– А Ярославцев мог откуда-нибудь узнать?

– Откуда он узнал бы, раз Мельников ему не сказал. Разве что от тебя. Так вы же с ним незнакомы были... Послушай, Татьяна, ты это чего?! – вскинулся он вдруг.

– Чего-чего? – приняла я совершенно простодушный вид. Но на Самойлова это не подействовало, слишком мы хорошо знали друг друга.

– А того! Не нравится тебе Ярославцев, и ладно. Но ты под парня не копай. На такое он не пойдет.

Никуда не денешься, пришлось поделиться с Витей некоторыми своими соображениями. Он даже и раздумывать над ними не стал.

– Если тебе делать нечего и времени навалом, можешь, конечно, и Ярославцевым заняться. И меня заодно проверь, мало ли... Ты у нас человек вольный, запретить тебе никто не может. А преступники тем временем смотаются. Потом ищи-свищи. Не ожидал от тебя такого, Танька...

– Ладно, проехали. Раз ты ручаешься за человека, то все, – сделала я вид, что он убедил меня. – Давай дальше думать о той парочке...

– Давай, – согласился он, все еще сердито поглядывая на меня.

– Они вообще какие-то странные, – напомнила я. – Машину взорвали... Кстати, ты уже направил запрос в лабораторию? Надо сравнить со взрывом кондратовской машины.

– Ждал твоих указаний, – огрызнулся он, видимо, никак не мог простить мне Ярославцева. – У меня тоже ощущение, что в этих взрывах много общего. Но ответ обещали дать не раньше чем завтра. Сначала вообще говорили, что дня через три, про выходные какие-то рассказывали, про начало следующей недели... – Витя скривился и потер лоб. – Но мне удалось их убедить, и они согласились на завтра.

– Согласились или сказали, что постараются?

– Пообещали, что завтра дадут заключение.

– Это хорошо. Молодец ты, Самойлов, кого угодно уломаешь!

– Так для пользы же дела стараюсь!

– А что у тебя еще, кроме фоторобота?

– Еще? – выражение Витино лица стало трагическим. – Объявили розыск по всему Тарасову двух мужчин, среднего роста, среднего телосложения, без особых примет. Один просто мужчина, второй – с оттопыренными ушами. В качестве образца приложили фотографию Чебурашки. Думаю, к обеду найдем.

– Да ладно тебе, не психуй. Вспомни, какие дела мы раскручивали, и с этим справимся.

– Да я знаю... Извини, Таня, это я так, с недосыпу. В общем, я сейчас свидетелей ищу, и в казино, и в тупичке, где они машину взорвали, а Венька «Орбиту» утюжит. Кажется мне, что эти два дела связаны. И не кати ты, бога ради, бочку на парня. Он вообще-то неплохой, только, как бы это сказать... упертый сильно. Ты на него не обижайся.

– Да я и не обижаюсь, – пожалала я плечами. – Мне-то что, вам с этим недоумком работать, а не мне. А что касается его упертости, то знаешь, Витя, ты ему посоветуй: пусть он упирается в кого угодно, только не в меня, а то обижаться ему придется.

– Да нет, Таня, ты не поняла. Ты Женю Ярославцева помнишь? Должна помнить, он еще при тебе погиб.

– Ну помню. Не то чтобы мы близко знакомы были, но здоровались. Нормальный был парень. А Венька что, родственник?

– Брат младший. Он, когда Женю убили, переживал очень. В общем, пошел в милицию, вроде как подхватить знамя, выпавшее из рук брата. Одним словом, для него все, кто ушел из милиции, – дезертиры, – извиняющимся тоном закончил объяснения Самойлов. – А ты ушла, вот он и смотрит на тебя вприщурку. Но ты не обращай внимания, Таня, это он по молодости, по глупости...

– Ну знаешь, – я сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, – ну знаешь, такого я еще не слышала... Даже не знаю, как на это реагировать...

– А ты никак не реагируй, – торопливо предложил Витя. Очень он не любил ссор и обид в коллективе. – Таня, ты же умная женщина, ты сумеешь. Ну была бы ты душой, разве я стал бы тебе это рассказывать? А ты умница, ты поймешь и не станешь на него обижаться. Венька – парнишка толковый и старается. Над собой работает, в секции рукопашного боя ни одного занятия не пропускает.

– Видела я, как он старается. Ты еще скажи, что он каждое утро зарядку делает и зубы чистит... Ладно, Витя, уговорил, не стану я ему глаза выцарапывать, хотя пара затрещин этому сопляку только на пользу пошла бы. Сбил ты меня с мысли со своим Венькой, о чем мы говорили?

– О фирме «Орбита».

– Ага, вспомнила. Так что, есть подозрение, что заказал Кондратова кто-то из фирмы?

– Подозрения есть, но, как бы сказать, эфемерные. Что-то там такое... – Самойлов неуверенно помахал рукой в воздухе.

– Флюиды? – подсказала я.

– Вот-вот, – обрадовался Витя, – все чисто, а флюиды, гады, в воздухе так и носятся! Вот, я тебе подобрал материалы, посмотри, что сделано. Ты ведь к ним тоже собралась? Когда поедешь?

Я оценивающе посмотрела на лежащую передо мной папку.

– Часа полтора-два эти бумаги займут. А потом можно

и в фирму наведаться.

– Ну давай, знакомься с делом, а мне надо закончить отчет о грабеже на Центральном рынке. Нынче ночью молодчиков как раз и повязали. Когда прочтешь, обсудим все еще разок, авось нащупаем, на чем эту самую «Орбиту» можно зацепить.

Витя занялся своим отчетом, а я склонилась над папкой. Материалов в ней было негусто. В основном – бумаги по убийству Кондратова: протоколы осмотра места происшествия, опросов свидетелей, заключения технической и судебно-медицинской экспертизы и прочее.

Судя по немногочисленным документам, касающимся собственно состояния дел в фирме, «Орбита» ничего особенного собой не представляла. Мелкая строительная контора – небольшая группа проектировщиков, сметный отдел и строители-сезонники. Не сказать, что очень впечатляющие заказы выполняла – на строительство кооперативных погребов да гаражей. Мелькала, правда, еще строка со словом «госзаказ». Да, фирмочка не производила впечатления золотого дна, а ведь Шурик утверждал, что покойный Кондратов «большими деньгами ворочал». Собственно, это и без Шурика ясно, человек без серьезных доходов два раза в неделю казино посещать не станет.

В комнату вошел Ярославцев. Увидел меня, дернулся от неожиданности, но моментально взял себя в руки, поздоровался холодно, хотя и безупречно вежливо. Я, не желая огор-

чать Витю, ответила ему со всей возможной в этой ситуации любезностью. Ярославцев же, вместо того чтобы сесть за свой стол и заняться делами или просто уйти, вытянулся передо мной в струнку.

– Татьяна Александровна, позвольте принести вам свои извинения по поводу моего поведения при нашей первой встрече и позднее. Проявленное мной неуважение ничем не может быть оправдано. Я постараюсь никогда больше не допускать подобного.

Он сказал все это таким тоном и с таким выражением лица, что было абсолютно ясно – выполняет приказ старшего, сам бы он скорее застрелился, чем попросил у меня помощи или прощения. Интересно, кто именно заставил его извиняться, Витя или Андрей?

Я глянула на Витю, но тот усердно занимался своим отчетом, делая вид, что ничего не видит и не слышит.

– Извинения приняты, – я холодно кивнула и уткнулась в бумаги.

Витя за него поручился. Что ж, поверим Самойлову. Не должна я изображать, что парнишка мне нравится больше, чем есть на самом деле. Сам Ярославцев себя этим не утруждал и сильно по данному поводу не переживал. Он сердито отодвинул стул и сел за свой стол. Не знаю, что он там делал, меня это совершенно не интересовало. Но вскоре услышала, как он закрыл все ящики стола на ключ и вышел из комнаты.

– Он что, боится, что я личность сомнительная и могу

украсть у него особо секретные документы? – поинтересовалась я у Вити.

Витя рассмеялся:

– Не вяжись, человек по инструкции действует. Нехорошо, Иванова. Надо бы, наоборот, похвалить младшего товарища за добросовестное отношение к обязанностям, а ты к нему придираешься.

– Это ты его извиняться заставил?

– Да что ты, это он совершенно самостоятельно, инициативу проявил.

– Врешь ты все, Витька, он по собственной инициативе меня только обматерить может.

– Ей-богу, хочешь – перекрещусь.

– Не надо, – отказалась я. – Крестился уже вчера передо мной один такой, аж в глазах рябило, так что хватит. Ты мне лучше про «Орбиту» расскажи. Не столь уж богатая фирма, и не большие деньги в ней крутятся, на погребях и гаражах миллионы не наваривают. И зачем было Кондратова взрывать? Я все по финансам просмотрела и не заметила, чтобы они крупными суммами ворочали.

– То-то и оно, что не заметила, – он поставил стул рядом с моим и, побряхтывая, опустился на него. – Не выспался я сегодня. А ты, Татьяна, стареешь, что ли? Соображалка у тебя пробуксовывает. Погребя и гаражи здесь, ясное дело, ни при чем. Свой бешеный доход деятели в «Орбите» имеют не с них, а со строек по госзаказу.

– Да ладно тебе. Не такая уж сытная это сейчас кормушка. Даже если половину стройматериалов разворовывать.

– А если все? И при этом не строить, а деньги за работу получать? – Самойлов говорил лениво, вроде даже слегка дремал, развалившись на стуле.

– Как это? Ты о чем?

– А ты посмотри повнимательнее, где у них эти стройки, – посоветовал Витя, – в каком конкретно районе нашей необъятной Родины?

Я посмотрела. Действительно, Витя прав, невнимательная я стала и соображалка пробуксовывает. Должна была сама обратить внимание, а не ждать, пока носом ткнут.

– Значит, Чечня. Понятно. Строится, допустим, школа, – стала я прокручивать возможности фирмы в этом направлении. – Официально закупаются стройматериалы, оплачивается их отправка в Чечню, начисляется зарплата строителям, ну и всякие прочие расходы. Когда школа вроде как построена, в нее попадает шальная бомба или ее взрывают боевики, это уже дело техники. Государственной комиссии предъявляются развалины, и... строительство можно начинать сначала. Все стройматериалы распродают, скорее всего, еще по дороге. В чистом виде остается начисленная зарплата, строителями-то наверняка «мертвые души» оформлены? Неплохо.

– Одна поправка, – Витя по-прежнему сидел, прикрыв глаза. – Нет никакой необходимости возиться со всеми эти-

ми кирпичами, цементом, стеклом и прочими материальными ценностями. Покупать, отправлять, продавать. Ведь за разумный процент можно оформить документы на покупку, погрузку и перевозку и сразу получить «живые» деньги.

– Да-а. Лихо, ничего не скажешь. А доказательства есть?

– Откуда? – горечи в голосе Самойлова еще прибавилось. – В тех документах, что касались Кондратова, все чисто, аудиторскую проверку они проходят регулярно, у налоговой инспекции к «Орбите» претензий нет. Для изъятия всего комплекта бухгалтерских документов нужен ордер, а с чем мы в прокуратуру сунемся? Про флюиды им рассказать?

– Да, флюидами наших не проймешь, – согласилась я, даже не заметив, что по старой привычке назвала ребят из прокуратуры «нашими». – Что ж, теперь мне понятно: за такие деньги можно и убить. А Кондратова, судя по сплетням, убрали «за жадность» и за то, что ходил по чужим мозолям. Как бы еще узнать, в Андрея стреляли те же, что Кондратова взорвали?

– Я думаю, когда эксперты дадут предварительное заключение по взрывчатке, появится та печка, от которой сможем танцевать. Если получим отрицательный ответ, значит, смело можно разделять взрыв Кондратова и нападение на Андрея на два разных дела.

– Знаешь, Витя, – сказала я, – не могу объяснить, но вот здесь, внутри, я уверена, что это те же двое. Уши, конечно,

не сходятся, а все остальное очень подходит. Думаю, если мы как следует копнем в «Орбите», то выйдем на них.

– Значит, так оно и есть, – совершенно серьезно согласился Самойлов. Моим ощущениям за годы нашего знакомства он привык верить.

– Тогда я сейчас поеду в эту контору, посмотрю, чем там дышат, попробую все на зуб.

– Давай. Тебе сообщить, что бармен по фотороботу скажет?

– Обязательно. Позвони на сотовый. Ну, я полетела, только к себе заскочу.

Домой я заехала, чтобы прихватить кое-какие бесполезные в нашем деле игрушки.

Сразу, как только зашла в квартиру, вспомнила про магические кости, мешочек с ними со вчерашнего дня лежал на столе. А что, настроение у меня сейчас самое подходящее. И вопрос – четкий и конкретный – появился в результате нашего с Витей разговора.

Я высыпала двенадцатигранники на ладонь, зажмурилась. Итак: «Если я начну работать с фирмой «Орбита», найду я тех, кто стрелял в Андрея?» Бросок, кубики весело покатились по полированной поверхности стола. «18+12+34» – «Вы будете приятно удивлены тем, как стремительно события приобретут благоприятный для вас оборот». А я что говорила? Ну, «Орбита»! Ну погоди!

Ехать было недалеко, офис располагался в довольно престижном районе, совсем рядом с центром.

Один умный человек как-то рассказал мне, что существует ряд примет, по которым легко можно определить этап развития конторы и ее жизнеспособность на данный момент. Когда молодые хваткие ребята только собираются и начинают новое дело, они пашут от души. В это время фирма, как правило, ютится в каком-нибудь подвале или флигеле с обшарпанными стенами и противными лампами дневного света, а ребята работают, не отвлекаясь на такую ерунду, как обед или начало и конец рабочего дня.

По мере того как дело набирает обороты, обстановка значительно цивилизуется, понемногу покупается новая мебель, обживаются комнаты первого этажа. Выделяется специальное помещение, где можно перекусить. На работе еще могут задержаться, при острой необходимости, но обед становится святым делом.

Следующий этап – переезд на второй этаж и качественный евроремонт. Еду уже не приносят из дома в баночках и термосах, а готовят здесь. На кухне имеются полный ассортимент необходимой посуды, газовая или электрическая плита с духовкой, холодильник, а то и два.

И последняя стадия начинается с введения официальных перерывов на чай в одиннадцать и четыре часа. Дни рождения и национальные праздники теперь отмечаются за общим столом, всем коллективом, от директоров до сторожей.

Границы рабочего дня соблюдаются свято – до девяти часов в конторе ни души, а без минуты шесть все уже стоят у дверей. Как раз на этой стадии руководство – так сказать, отцы-основатели – и начинает грызться между собой. Все. Сотрудникам пора начинать искать новое место работы, долго фирма уже не протянет.

По всем этим приметам фирма «Орбита» находилась при последнем издыхании. Она занимала второй этаж офисного четырехэтажного здания. Фасад его был увешан дюжиной вывесок различных контор, но у «Орбиты» была самая большая и красивая. Вахтера в стеклянной будке при входе я совершенно не заинтересовала, даже обидно. Второй этаж сиял пластиком и потрясал обилием искусственных цветов. Ароматы, доносившиеся из конца коридора, напомнили об убогой яичнице, которую я торопливо проглотила несколько часов назад, здесь пахло по меньшей мере уткой с яблоками. А может, даже гусем. Вот бессердечные люди – не боятся, что какой-нибудь посетитель, совершенно невинный посторонний человек, захлебнется слюной и погибнет прямо у них в коридоре.

Одним словом, если учесть еще и взрыв машины с представителем руководящего состава, «Орбита» обречена.

Я прошла по коридору и довольно быстро обнаружила кабинет директора. Приемной как таковой не было. Был небольшой светлый холл в конце коридора, в который выходило четыре двери. На трех из них висели исполненные

в лучших традициях черные таблички с золотыми буквами, извещавшие, что здесь находятся кабинеты директора, коммерческого директора и главного бухгалтера. Кабинет покойного Кондратова был опечатан. Четвертая дверь, самая дальняя, была железной, и таблички на ней не было. В холле очень много цветов, и не искусственных, а настоящих, живых, причем очень-очень домашних, – два широких подоконника и тумбочка вплотную заставлены горшками с геранью и разноцветными фиалками. У стены стояли два стола, сдвинутые углом, на одном был установлен компьютер, на втором находился телефон и стопочкой лежали папки с аккуратными наклейками. Только несколько листков – какие-то таблицы, брошенные посреди стола, – нарушали идеальный порядок. Хозяйка, седая женщина с приятным, но незапоминающимся лицом, сидела на вертящемся стуле боком ко мне и работала на компьютере.

– Одну минуточку, сейчас закончу фразу... – сказала она, как только я вошла. Допечатала, повернулась ко мне. На лице любезная секретарская улыбка, но на удивление естественная, совершенно не раздражающая. – Добрый день, чем могу вам помочь?

– Здравствуйте, – я тоже постаралась улыбнуться как можно обаятельнее. – Мне хотелось бы поговорить с руководством фирмы по поводу гибели Кондратова.

– Ой, – лицо секретарши сморщилось. Не глядя, она открыла ящик стола, достала прозрачную трубочку с большими

ми белыми таблетками – наверное, это был валидол – и сунула одну в рот. – Я как про Павла Артемьевича вспомню... Это такой ужас был! Машина горит, всюду обломки и столько крови!

Теперь она полезла в сумку за носовым платком. Я сочувственно покивала и спросила:

– А вы что, видели, как это случилось?

– Нет, я ведь рассказывала уже вашим товарищам и на прошлой неделе, и сегодня с утра приходил молодой человек. Я задержалась, внуку в школе доклад надо было сделать, по Древней Греции, а я не успела его напечатать, поэтому и осталась. Так что, только когда взрыв услышала... Ужасно! Но Николая Георгиевича, – она кивнула в сторону директорской двери, – сейчас нет, он в мэрию поехал. Правда, к обеду обещал вернуться.

Я невольно принюхалась, и секретарша поспешила объяснить:

– У нас день рождения сегодня у одной девочки-проектировщицы. Тридцать лет, юбилей все-таки. И потом пятница, на работу завтра не приходите... А Елена Викторовна здесь, с ней вы можете побеседовать.

Главный бухгалтер фирмы «Орбита» – дама, самую капельку полноватая, но идеально ухоженная, – занимала просторный и довольно захламленный кабинет. У двери рогатая вешалка, по летнему времени пустая, только зонтик болтается да модная белая кожаная сумочка. Вдоль стен стеллажи,

заваленные кипами папок с документами, стопки каких-то бланков лежат отдельно. У окна несколько коробок из-под бананов, тоже набиты бумагами. Специальный большой стол с компьютером и принтером. Тумбочка из-под стола выкачена, на ней глубокая тарелка с яблоками. И посреди всего этого Елена Викторовна Косачева – энергичная женщина лет сорока, строгие карие глаза, волосы цвета «спелый баклажан». Самый модный, между прочим, в этом году оттенок. Я тоже на прошлой неделе минут десять пыталась выбрать между этой пенкой и «красным деревом», махнула рукой и ушла, ничего не купив, решила остаться пока блондинкой. Отметила я сразу и гордую сдержанность хозяйки кабинета, безупречный макияж, модную стрижку, холеные руки с наманикюренными ногтями и светлый сарафанчик, для ее возраста и телосложения, правда, немного легкомысленный, но с другой стороны, лето на дворе, жарко.

В отличие от милой секретарши Елена Викторовна первым делом попросила мои документы. Выяснив, что я не представляю государственные органы, мадам Косачева подняла аккуратно выщипанные брови и без всякого интереса спросила, на кого я работаю.

– Извините, но я не могу раскрывать...

– Да-да, конечно, – махнула она рукой, – глупый вопрос. Итак, вы занимаетесь расследованием гибели Павла Артемьевича. Должна сразу сказать вам, что, как человек, долго проработавший вместе с Кондратовым, и как просто женщи-

на, я в ужасе и в шоке от всего произошедшего.

Елена Викторовна замолчала и внимательно посмотрела на меня, желая удостовериться, что я прониклась силой ее переживаний.

– И конечно, весь наш коллектив надеется, что убийцы всеми нами уважаемого Павла Артемьевича не уйдут от ответственности и будут найдены в самое ближайшее время. Мы готовы оказывать полное и безоговорочное содействие. Но, насколько я понимаю, это дело милиции. В чем же ваша роль?

– По ряду причин в данный момент я сотрудничаю с представителями милиции в этом деле. Они уже провели у вас большую работу. Я же лично хотела бы посмотреть кое-какие финансовые документы.

– Абсолютно невозможно, – холодно отрезала главный бухгалтер. – Наши финансовые документы являются коммерческой тайной. То же самое я сказала и милиции. Будет постановление суда, ордер на изъятие бухгалтерской документации, пожалуйста! Мы законопослушная организация, немедленно все предоставим, никаких проблем. Но пока я несу личную ответственность, и сами понимаете, у меня есть обязательства перед трудовым коллективом! Так что о выдаче вам документов не может быть и речи.

– Елена Викторовна, а в чем будет выражаться ваша готовность к полному и безоговорочному содействию? Поконкретнее, пожалуйста.

Она пожалала плечами и посмотрела на меня ясными глазами.

– Все возможное, в пределах разумного.

– Понятно, – похоже, продолжать разговор было бессмысленно. – Всего хорошего.

Когда я была уже у двери, обычно такой устойчивый каблук моих туфель подвернулся. Я охнула, покачнулась, взмахнула руками, задев ладонью висящую на вешалке сумочку, успела опереться о стену и удержалась на ногах. Обернулась с испуганной улыбкой:

– Это же надо, такие удобные туфли, а каблук все время шатается.

– Супинатор надо проверить, – Елена Викторовна с женским сочувствием отнеслась к моей проблеме. – У меня так было. Если супинатор сломался, то каблуки гуляют так, что ходить невозможно. В соседнем доме очень хорошая обувная мастерская, там и срочный ремонт есть.

Но тут она вспомнила, что я – персона «нон грата», и глаза ее снова затянуло льдом. Пора было убираться, тем более что главное дело сделано – крохотная булабочка микрофона крепко засела в мягкой коже сумочки. Только перед уходом надо бы малость расшевелить главбухшу. Тоже мне, Снежная Королева.

– Спасибо большое, прямо сейчас и к ним. Да, Елена Викторовна, один вопрос. Какая зарплата была у Кондратова? Или это тоже коммерческая тайна?

– Разумеется. Могу только сказать, что заработная плата Павла Артемьевича была достойной и соответствовала его квалификации.

– И ее хватало на посещение казино дважды в неделю?

– Видите ли, представление, что постоянные посетители казино обязательно проигрывают там миллионы каждый раз, довольно вульгарно, – не слишком охотно, но все-таки ответила она. – Многие приходят туда просто пообщаться с приятными людьми, провести время в культурной обстановке. Небольшие ставки вполне доступны, и при разумной игре практически любой человек с постоянным доходом может себе позволить это развлечение. Я сама время от времени там бываю.

– Правда? А когда вы были там последний раз?

– Понятия не имею. Я не хожу туда регулярно, бываю от случая к случаю, по настроению, – Елена Викторовна потихоньку закипала.

– А двадцать пятого, случайно, не были?

– Я же сказала, что не помню! У вас все? А то мне работать надо.

– Извините, Елена Викторовна, я ведь про это все почему спрашиваю? Дело в том, что по моей информации у Кондратова была репутация человека, ворочающего очень большими деньгами, но зарплата, даже высокая, сами понимаете, не дает основания для таких разговоров.

– Не знаю, где вы собираете подобную информацию, – моя

собеседница брезгливо поджала губы, – и, кроме того, я совершенно не в курсе личных финансовых дел Павла Артемьевича. Но могу сказать одно, он был человеком широким, увлекающимся, можно сказать, артистичным, очень любил эффектные жесты. Ему нравилось чувствовать себя таким барином, – она запнулась, но тут же взяла себя в руки. – Одним словом, мастер был производить впечатление на людей.

– То есть вы хотите сказать, что если у него и были большие деньги, то вы не представляете, откуда?

– Послушайте, вы отвлекаете меня от работы. Я, разумеется, готова оказать помощь следствию, но ваши бессмысленные и бестактные вопросы... – она поняла, что уже кричит, и, сделав над собой усилие, заговорила более спокойно: – Что вы, собственно, хотите, найти убийц или опорочить имя Павла Артемьевича? Имейте в виду, от меня вы ничего плохого о нем не узнаете! Да я просто отказываюсь с вами говорить! Слава богу, вы не официальное лицо и я не обязана отвечать вам, так что попрошу больше не мешать мне. Всего хорошего.

– Да-да, конечно, – примирительно улыбнулась я, – вы имеете полное право выставить меня вон.

– Вот именно. Прощайте!

– До свидания, – я мягко закрыла за собой дверь, одновременно нажимая в кармане кнопку включения миниатюрного магнитофона. Не все люди имеют привычку говорить сами с собой, но некоторые, да еще если их разозлить... Кроме то-

го, Косачева может позвонить по телефону. Записывающее устройство у меня не самой последней модели, но достаточно современное. Так что, пока я нахожусь в радиусе четырехсот метров, никаких секретов от меня у главного бухгалтера фирмы «Орбита» не будет.

Секретарша встретила мое появление в холле с доброжелательностью, явно для нее привычной:

– Вы уже закончили? А Николай Георгиевич вернулся, я его предупредила, заходите, он вас ждет!

Директор фирмы Николай Георгиевич Лемешев внимательно осмотрел меня и одарил приторной улыбкой – очевидно, мой внешний вид произвел на него самое благоприятное впечатление. Я, в свою очередь, не менее внимательно осмотрела хозяина кабинета: директор как директор, все они одинаковые. Маленькие глазки, розовые щеки и блестящую полулысину я отметила в качестве особых примет. А одет он был в очень черный костюм из какого-то дорогого материала и очень белую рубашку, на фоне которой совершенно терялся светлый-светлый галстук. Прямо пингвин какой-то...

Лемешев тут же вышел из-за стола, усадил меня в кресло, успев попутно потрепать по плечу, погладить по коленке и слегка, совершенно случайно, разумеется, задеть грудь. Все эти активные действия явно доставили ему немалое удовольствие. Что касается меня, должна честно признать, полулысые пингвины лет под пятьдесят, лапающие незнакомых дам, восторга у меня не вызывают. А он тем временем про-

должал ворковать надо мной, восхищаясь красотой представителей нашей родной милиции.

Когда меня принимают за работника милиции, грех не воспользоваться. Но выдавать себя за должностное лицо – мошенничество. Особенно при данных обстоятельствах, после разговора с главбухшей. Так что пришлось представиться и вручить визитку. Николай Георгиевич артистично изобразил разочарование.

– Такая милая дама, и частный сыщик! Зачем вам это надо? Танечка, я вас умоляю, бросьте вы эту гнусную работу, неужели же вы, с вашим-то умом и талантом, не сможете устроиться приличней?

Интересно, что он имел в виду под умом и талантом? Или за сорок секунд знакомства сумел проникнуть в потаенные глубины моего подсознания? Боюсь, все здесь было гораздо примитивнее.

С трудом остановив поток пошлых комплиментов, я попыталась втолковать ему, что интересуюсь не его мужскими достоинствами, а неожиданной смертью его коммерческого директора вообще и финансовыми документами в частности. Удавалось мне это слабо. Ну никак не укладывалось в плешивой его голове, что молодая женщина может предпочесть его ухаживаниям разговоры про какие-то скучные документы. Господи, да кто же его директором в фирму взял, ему же только в зоопарке сторожем при павлинах работать! Чтобы они не зазнавались слишком.

Впрочем, наш тет-а-тет длился недолго. Шарахнулась о стенку распахнутая дверь, и в кабинет влетела разъяренная Елена Викторовна.

– Послушайте, вы! Я же вам ясно сказала, чтобы вы покинули офис! – орать она начала без предварительной подготовки и сразу во всю мощь своего голоса, а он оказался нехилым. Очень ей это не шло, весь лоск слетел, и теперь главный бухгалтер выглядела довольно рыхлой, вульгарной и визгливой бабой. – Вы что, думаете, на вас управы нет? Да один мой звонок – и вас лицензии в течение часа лишат! Посадят! Можете не сомневаться, влиятельных друзей у нас достаточно!

– Ну-ну-ну, Елена Викторовна, зачем вы так, – довольно безуспешно попытался утихомирить ее шеф. – Танечка ничего плохого в виду не имела...

– Она не имела? – возмущенно всплеснула руками Елена Викторовна. – Да она клеветница! Да, да, моя милая, то, что вы мне сейчас говорили, это все клевета! Вы что думаете, вы будете Павла Артемьевича черт знает в чем обвинять, а я буду молчать? Не пройдет, не надейтесь! – ругаться, соблюдая грамматические правила обращения к малознакомым людям, показалось ей слишком сложным и малоэффективным, и она перешла на «ты»: – Есть, есть люди! Они тебя в бараний рог скрутят, ты еще пожалеешь, что в это дело ввязалась!

Мне надоели ее вопли, тем более что ничего интересного,

кроме бессвязных угроз, я не слышала. Перебивать человека, конечно, невежливо, но не ждать же, пока она выдохнется. Судя по габаритам, пару в этой даме было еще минут на двадцать.

– Не сомневаюсь, – вежливо, но решительно вступила я в разговор, – что у вас достаточно знакомых, которым захочется скрутить меня. Но вы забываете, что я тоже не новичок в своем деле и у меня тоже знакомые имеются. И у них могут появиться вопросы. Их наверняка заинтересует, почему это мое появление вас так разволновало. Почему принимаются столь серьезные меры, чтобы от меня избавиться? Не пытаетесь ли вы таким образом что-то скрыть от следствия? И если пытаетесь, то что именно? А мои знакомые очень не любят оставлять подобные вопросы без ответов. Они приложат все силы, чтобы эти ответы получить. И получают, можете не сомневаться.

– Убирайтесь! – Елена Викторовна смотрела на меня с ненавистью.

– Всего хорошего, – ответила я ей нежной улыбкой и поднялась из кресла.

– Девочки, ну что же вы так, ну зачем вы ссоритесь, ах как нехорошо, – расстроенный Лемешев бестолково метался между нами. Пришлось улыбнуться и ему.

– Не сомневаюсь, что мы еще встретимся.

Я вышла из офиса, неторопливо подошла к машине.

Уехать или подежурить немного здесь? Собственно, особо срочных дел нет, а тут может произойти что-нибудь интересное. Посижу, пожалуй, в машине, покурю и спокойно подумаю. Итак, что мы имеем от визита в «Орбиту»?

Косачева явно разнервничалась, когда я стала спрашивать о доходах Кондратова. Кроме того, обмолвилась, назвала его «Барином». Это, конечно, ничего не значит, так его могли называть многие. Странно то, что она при этом смутилась. А потом и вовсе распсиховалась. Из-за финансовых документов фирмы она такого шума поднимать не стала. Чувствовала себя увереннее? Имею право не показывать, и точка. А отказываться отвечать на вопросы про Кондратова у нее никаких оснований нет, вот нервы и сдали. Где тонко, там и рвется? Или это все было разыграно только для того, чтобы выставить меня из офиса, не дать поговорить... С кем? С Николаем Георгиевичем? Или еще с кем-то? Хотя злилась она, похоже, по-настоящему, аж пар из ноздрей шел. О, не зря я, оказывается, задержалась!

Елена Викторовна, не глядя по сторонам, сбежала с просторного крыльца и решительно направилась к черному «Вольво». Села за руль, машина резко рванула со стоянки. Ничего машинешка, но по городским улицам ей от моего «жигуля» все равно не оторваться. Я быстро затушила сигарету, вырулила следом и аккуратно влилась в поток транспорта, не теряя «Вольво» из виду. Между нами две машины, все как учили. А водит эта дамочка довольно нервно. Не

то чтобы откровенно нарушает правила, а так, корректирует в свою пользу. Как мужики говорят: «Женщина за рулем – обезьяна с гранатой»? Точно про нашу главбухшу.

«Вольво» подъехал к зданию городской администрации и припарковался на стоянке для служебных машин. Я проехала немного дальше и тоже остановилась. Елена Викторовна вышла и, не заперев машину, хорошим шагом направилась в сторону небольшого чухлого скверика. Очень уверенно себя ведет эта дамочка, не боится, что машину угонят, охраны-то вроде не видно. Или есть? Администрация все-таки, прячутся, наверное, где-нибудь в кустах, чтобы пейзаж не портить.

Моя поднадзорная побродила по дорожке, постояла, нетерпеливо топя каблучком по асфальту, потом посмотрела на часы и присела на скамейку. Ага, понятно – она торопилась сюда не воздухом подышать, ждет кого-то. А я встала, оказывается, очень удачно, мне ее прекрасно видно. И расстояние, пожалуй, поменьше трехсот метров, и сумочка у нее на плече болтается. Так что, если она собирается сейчас вести не предназначенные для моих ушей переговоры, то доставит мне этим большое удовольствие.

Так... Сосредоточеннее надо быть, внимательнее, откуда этот тип взялся? Торопится. Мимо меня он не проходил и не из-за угла... Ну конечно, из здания администрации. Что же это получается, Елена Викторовна и правда побежала на меня жаловаться своим могущественным друзьям? Вот на это

я не рассчитывала, была уверена, что она блефует, просто страху на меня пытается нагнать. Ладно, посмотрим да послушаем. Не страшно, конечно, но неприятности действительно могут образоваться.

Да, все правильно, именно этого мужика она и ждала. Вскочила со скамейки, протянула ему руку, что-то говорит, нервничает. Мужик ее вроде успокаивает. Или, наоборот, ругает, что-то очень руками размахался. Ссорятся, никаких сомнений. Так, он первым опомнился, посмотрел по сторонам. Правильно, на улице такие представления не устраивают. Теперь сидят на лавочке, воркуют, просто голубки!

Ворковали они недолго. Не прошло и десяти минут, как Елена Викторовна вернулась в свою машину. Тип помахал ей рукой, и «Вольво» тронулся. Мужчина стоял и смотрел ей вслед, но недолго. Махнул рукой в последний раз и, не обращая больше ни на что внимания, скрылся в здании администрации. Я тут же рванула с места. Хорошо, что «Вольво» машина приметная, догнала ее быстро. А дальше спокойненько, без проблем, доехали мы до девятиэтажного дома, где согласно прописке проживает моя дражайшая Елена Викторовна. Она поставила машину на дворовую стоянку, на этот раз тщательно заперев ее, и, опять-таки не оглядываясь по сторонам, зашла в подъезд. Хорошо работать с самоуверенными дамами. Охотники говорят, что, когда глухари токуют, к ним можно вплотную подойти. За этими тоже вплотную идти можно, они настолько уверены в своей исключи-

тельности, что ничего вокруг не замечают, вернее, не считают достойным своего внимания.

Я сверилась с записной книжкой: пятьдесят седьмая квартира – это пятый этаж. Вынула из магнитофона кассету с записью, вставила чистую. Еще немного подождала. Ну все, Елена Викторовна должна быть уже дома, путь свободен.

Дверь подъезда, несмотря на наличие кодового замка, была гостеприимно распахнута, так что я без всяких помех поднялась на площадку между пятым и шестым этажом. Там было темновато, а уж в щели за мусоропроводом и вовсе ничего не видно. Очень хорошо. Встав на цыпочки, я как только смогла высоко прикрепила к стене магнитофон. Подергала для верности, вакуумная присоска держала крепко. Взглянула на часы – два двадцать пять. Кассеты хватит на шесть часов, значит, не позже половины девятого надо будет вернуться.

Конечно, шансов услышать что-нибудь интересное не много, люди, как правило, не ходят по квартире с сумочкой. А то, что важный разговор произойдет как раз в том месте, где Елена Викторовна оставляет сумочку, маловероятно. Я, например, держу свою в шкафу, в коридоре. С другой стороны, одна моя подруга всегда оставляет сумку в кухне, а другая и вовсе на столике, где стоит телефон. Так что магнитофон может очень даже пригодиться, если повезет.

А я, пожалуй, сейчас поеду домой, послушаю, что у меня уже есть интересного.

Дома желудок сразу же напомнил мне, что время сугубо обеденное. Пришлось отвлечься, сделать себе несколько бутербродов и сварить кофе. В результате к прослушиванию я приступила с бутербродом в одной руке и чашкой кофе в другой.

Слушая запись, я одновременно делала вариант для Мельникова и его ребят, выбрасывая куски, не несущие информации, – звук шагов, радио в машине, просто тишину. Только самое начало оставила как есть.

Управилась я как раз, чтобы успеть в больницу вовремя. Сунула в сумку магнитофончик, кассету, достала из холодильника еще несколько пакетиков с соком папайи. Все в порядке, ничего не забыла, можно ехать.

## Глава 5

Я опять пришла раньше всех. Вот и хорошо, будет время просто поболтать. К тому же бодрый вид Мельникова меня порадовал.

– Андрей, ты прямо не по дням, а по часам поправляешься! Про выписку еще ничего не говорят?

– Я спросил, а они пообещали проконсультироваться с психиатром.

Я захихикала, уже привычно выложила на тумбочку коробочки с соком.

– В целом, я их понимаю. Но выглядишь ты действительно очень неплохо, – посмотрела на сок, вздохнула. – Слушай, тебя как здесь кормят? Надо бы, конечно, не сок этот дурацкий, а поесть тебе притащить...

– Еще чего придумала! Знаю я, как ты готовишь, когда по уши в деле. Кроме ирландского рагу, от тебя ничего и не дожدهшься.

– Между прочим, так говорить с твоей стороны большое свинство, – возмутилась я. – Ирландское рагу было очень вкусным, ты все съел, добавки попросил, а потом еще и тарелку вылизал!

– Так ведь я тогда очень есть хотел! Я бы все что угодно съел и всю посуду тебе вылизать мог!

– Если так, то я вообще тебя не понимаю. Женился бы,

пусть бы жена тебя и кормила, никаких проблем.

– Ты что, Танька, с ума сошла? С моей-то работой, кто за меня замуж пойдет? А если уйти, так я ничего другого не умею. Конечно, – тут физиономия Мельникова приняла самое противное выражение, – вот если бы меня, например, миллионер замуж позвал, тогда другое дело. Но не всем же так везет, как некоторым.

– Да не миллионер он, сколько раз тебе говорить, – машинально отмахнулась я, потом сообразила, дернулась. – Стой! Ты это о чем?

– О Романе, естественно, – Андрей был абсолютно невозмутим. – Встретились мы недели три назад. Совершенно случайно.

– Да? И как он? – у меня невозмутимость была качеством пониже, чем у Мельникова.

– В общем, ничего, смурной только. Про тебя спрашивал.

– Ну и глупо. Если ему так интересно, мог бы сам мне позвонить.

– Это ты глупости говоришь! – нахмурился Мельников, ну прямо воплощение мужской солидарности. – Роман – нормальный мужик, а не тряпка половая. Если уж ты его бросила, он тебе в друзья набиваться не будет.

– С ума сошел? – не поверила я. – Когда я его бросала? Это что, он тебе сказал?

– Неужели ты думаешь, мы с ним это обсуждали? Просто я знаю тебя и немного знаю его. И на данный момент Роман

не производит впечатления человека, которому удалось совершить такой невероятный поступок, как оставить с носом саму Татьяну Иванову.

– Вообще-то никто никого не бросал, Андрей, – поморщилась я. – Просто мы разошлись по обоюдному соглашению. Мирно так, без скандалов... – я все-таки не удержалась и вздохнула.

– Не понимаю, Танька, какое, к черту, соглашение? Он тебя замуж звал?

– Звал. Но с условиями. Я должна закрыть свое агентство.

– Что, вообще работать нельзя? – удивился Андрей.

– Почему, можно. Даже предлагал – юрисконсульт, в его фирме. Или преподавать. Но только что-нибудь подобное. Он, видишь ли, не может допустить, чтобы мать его детей, размахивая пистолетом, гонялась за преступниками. Смысл по крайней мере был примерно такой.

– Какая мать? – Мельников, не готовый к такому повороту, растерянно хлопал глазами. – При чем здесь какие-то дети?

– Брак предусматривает рождение детей и дальнейшее их воспитание, – пояснила я. – Роман хочет, чтобы я именно этому посвятила свою жизнь. Я предложила другой вариант. Дискуссия была длительной и бурной, но консенсуса достичь не удалось. Вот, собственно, и вся история.

Я держалась очень хорошо, говорила спокойно, даже вроде равнодушно, и кого-нибудь другого мне, пожалуй, вполне

удалось бы обмануть, но не Андрея.

– Наверное, ты права, – он смотрел на меня с сочувствием. – Хотя, с другой стороны, дети... Знаешь, Танька, возраст – страшная штука. У меня племянников целая толпа. Как собираемся всей семьей, крутятся вокруг, верещат, безобразничают. Сестры орут на них, а я смотрю, и мысли всякие бродят. Вот если бы был у меня сын...

– Так, – прервала я его, – меняем тему разговора. Или я сейчас начну рыдать на твоей забинтованной груди, оплакивая погибшую личную жизнь. Согласен?

– Согласен, согласен. В жизни не видел, как ты рыдаешь, и смотреть не хочу. Тем более на моей забинтованной груди.

– Тогда давай о деле. Да, кстати, я все хотела спросить: Ярославцев знал, что ты будешь меня ждать возле казино?

Этот тоже мгновенно усек направление моих мыслей и вопросом остался явно недоволен.

– Не знал он ничего про тебя. Думаю, даже о твоём существовании не догадывался, так что не тяни на парня.

– А все-таки вполне может быть, – не сдавалась я.

– Ничего тут быть не может. Парень наш. И забудь о нём. Тут что-то другое искать надо. Ты лучше расскажи, что накопала.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.